

охота

и охотничье хозяйство

10

2008

Соболь в пушном бизнесе России

Б. КЕЛЬБЕШЕКОВ, кандидат биологических наук, охотовед

Камчатский соболь

Фото С. Тишкевича

В один из сентябрьских дней мне на работу позвонил старый знакомый и предложил соприсутствовать на заседании комиссии Законодательного Собрания Красноярского края, где будет рассматриваться вопрос, связанный с охотничьим хозяйством. К назначенному времени я приехал в администрацию края.

Повестка дня включала вопрос «Об организации охотничьего промысла в Красноярском крае». По данному проекту выступил депутат Ю.М. Данильченко. При обсуждении все были озадачены тем, что охотники не покупают ли-

цензии на добычу соболя, пушнозаготовительные организации вынуждены за них приобретать эти лицензии. Охотники без лицензии переопромышляют ресурсы соболя, а некоторые продают пушнину на пушном аукционе в Копенгагене, в результате чего государство не получает валюту. Чтобы пресечь все эти негативные поползновения, Россельхознадзор идет на беспрецедентный шаг по маркировке шкурок соболей. Перед тем как поставить свое клеймо на шкурке, ветеринарная служба должна у охотника потребовать наличие лицензии на добычу соболя. На партию шкурок без клейма проходное ветеринарное свидетельство выдаваться не будет.

Честно признаюсь, заседание комиссии Законодательного Собрания на меня произвело сильное впечатление. По ходу заседания стало очевидно, что я наблюдаю за работой старой бюрократической машины, оставшейся еще от советских времен. И эта машина без труда может раздавить ростки нового

охотничьего хозяйства, сформировавшегося в новых экономических условиях. Запущена она была определенным кругом влиятельных и богатых людей, чтобы прибрать эту отрасль к рукам. В течение нескольких дней я пытался отвести от себя воспоминания о прошедшем событии, ведь моя работа в настоящее время не связана с пушным бизнесом и охотничьим хозяйством. Но оно коснется меня как охотника и многих моих знакомых охотников-промысловиков, с которыми я многие годы провел в тайге. Только эти доводы побудили меня написать данную статью.

Чтобы понять суть происходящего, надо вспомнить события почти 15-летней давности — начало 90-х гг. прошлого века. В стране хаос. Друг за другом исчезают не только промышленные хозяйства, колхозы и совхозы, но остаются и фабрики, и заводы. Безработица, расцвет бандитизма. Пушнина никому не нужна. Ушли с пушного рынка пушно-меховые базы. Даже Ю.М. Данильченко, приватизировав-

охота

и охотничье хозяйство 10 2008

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
● Основан в октябре 1955 г.

ший Красноярский госпромхоз Главохоты, с легкостью распрощался с этим рынком, который не давал больших дивидендов.

В это сложное время надо было восстанавливать пушной рынок России. К счастью, на просторах России охотники еще живут. И этот рынок начали восстанавливать не чиновники, занимавшие высокие должности, не богатые с деньгами, а мелкие предприниматели и охотники-промысловики, которые на охоту ходили, невзирая ни на что. Заметную лепту в формировании рынка сыграли сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б.М. Житкова. С 1992 г. отделения этого института уже не финансировались. Незаметно часть сотрудников Красноярского, Восточно-Сибирского, Дальневосточных отделений перешли на пушной рынок. Медленно, шаг за шагом сформировалась цепочка от охотника до пушного аукциона. Охотники узнали, что добытую пушнину можно продать и за хорошую цену! И это в деревнях, в районах Крайнего Севера, где нет производства! Приносили пушнину, которая пролежала несколько лет, так как она никому не была нужна! ЗАО «Сибирь-пушнина» в середине 90-х гг. заготавливало больше половины шкурок соболей, добытых в Красноярском крае, и 70—80% беличьих шкурок. Надо бы радоваться, что люди стали зарабатывать себе на жизнь, даже в бюджет стали поступать деньги. Не тут-то было. Охотнадзор в сопровождении вооруженного ОМОНа пересчитывает количество шкурок и пытается обвинить в незаконной заготовке шкурок лицензионных животных, на основании постановления уже несуществующего государства.

Оглядываясь назад на прошлое, анализируя материалы по продаже шкурок соболей на Санкт-Петербургском пушном аукционе, с позиции сегодняшне-

го дня очевидно, что в те годы мы этот рынок могли и потерять. Дело в том, что шкурка соболя — очень специфический товар. Индивидуальная изменчивость качества и окраса мехового покрова зверька очень высока. Очень трудно подобрать даже пару одинаковых шкурок. А надо сформировать лоты, в которых должны быть несколько сотен шкурок одного кряжа, одинаковые по размеру, окрасу, качеству. Чем больше шкурок в лоте, тем выше вероятность продажи его по более высокой цене. Продать шкурки необычного окраса весьма трудно. Они не пользуются спросом. Со снижением объема поставок трудно подобрать нормальные лоты, а это всегда приводит к снижению цены. В 90-е гг. объемы продаж шкурок были небольшими, за одну шкурку давали минимальную цену. При подобном сценарии через несколько лет охотникам стало бы невыгодно добывать соболей, а зарубежным купцам — ими торговать. В наши дни трудно найти потребителя собожьего меха в Западной Европе. Рынок очень мобилен: однажды потеряв свое место, туда уже почти невозможно войти, так как твою нишу уже заняла другими, более предприимчивыми. Ограничивая этот рынок под разными предлогами, мы приближаем его конец.

В 90-е гг. казна была пуста, и государство искало деньги любыми средствами. В связи с этим хочу вспомнить начальника Управления по экологии и природопользованию администрации Красноярского края К.Н. Распопина. Будучи лесоводом, весьма обеспокоенным за лесную отрасль, он решил расходы лесного хозяйства с его огромным раздутым штатом и брошенной техникой в лесу переложить на охотников. В то время в лесу никто не работал. Кистайцы лесной бизнес еще не развернули. Единственные, кто ходили в тайгу и что-то производили, это были охотники. И необходимо было обложить их да-

нию. Имелась нормативная база — пункт в Лесном кодексе о пользовании лесным фондом в целях ведения охотничьего хозяйства. Вскоре было составлено соответствующее Постановление Администрации Красноярского края № 44-п от 28.01.94 «О порядке пользования лесным фондом в Красноярском крае». Под гнетом этого бремени обанкротились все обладатели охотничьих угодий: государственные, кооперативные промысловые хозяйства, северные промысловые совхозы, исчезли даже спортивно-охотничьи хозяйства в крае. Предприятий охотничьего хозяйства в Красноярском крае не стало.

Но самое удивительное то, что после исчезновения охотхозяйственных предприятий пушнину стали заготавливать даже в больших размерах, чем в прошлые годы. Если отрасль разрушена, то продукции не должно быть на рынке. Почему же на пушном рынке наоборот? Производство сохранилось благодаря специфике организации труда охотника.

Испокон веков охотничьи угодья были поделены между охотниками, а границы их складывались исторически. Неписанные правила тайги сохраняли эту структуру. Охотничьи участки переходили по наследству, продавались, в свое время даже распределялись за взятку. В результате коллективизации в 30-х г. прошлого века крестьяне-единоличники, занимавшиеся охотой, были объединены в колхозы и другие хозяйства, но старую систему территориальной организации производства пришлось сохранить.

На охотничьем участке трудится охотник-промысловик. Труд его складывался из ежедневных многокилометровых маршрутов в поисках животного или расстановок и проверок ловушек. Труд его как он был сто лет тому назад индивидуальным, так и остался до сих пор. Хотя появились более совершенные ружья, капканы, моторные лодки, сне-

В нашей стране ежегодно добывают около 400 тысяч соболей

Иностранные специалисты осматривают шкурки соболя на Международном пушном аукционе в Санкт-Петербурге

Фото А. Лавровой

гоходы. Ну не поддается труд охотника коллективизации, и поделаться с этим ничего нельзя. Даже специально созданные промысловые хозяйства почти не оказали влияния на процесс производства. Большинство охотников на свои деньги закупали орудия лова, припасы, завозили все это на участок, строили избушки, прорубали путики. Так как в советские времена никто не имел права свободно распоряжаться пушиной, всех охотников вынуждали сдавать добытую продукцию в приписанные пункты, а хозяйства — их заготавливать.

В результате кризиса, в промысловом охотничьем хозяйстве России исчезла надстройка над охотниками. И хозяйство приобрело ту форму, которая сложилась исторически. Индивидуальные, семейные, родовые охотничьи участки пережили эпоху развитого социализма и дожили до наших дней. Мы можем констатировать жизненность этих, исторически сложившихся, единиц. Требуется их сохранить, узаконить. Охотничьему участку, на котором трудится охотник-промысловик, необходимо дать статус промыслового крестьянского хозяйства. Этому было посвящено мое короткое выступление перед депутатами Законодательного Собрания. С этих позиций я выступал на нескольких научно-практических конференциях. Сейчас эта идея прослеживается во многих научных публикациях.

Теперь об основном объекте пушного промысла — о соболе. По моим расчетам, выполненным на основании официальной статистики несколько лет тому назад (Кельбешев, 2003), численность соболя в стране в 3—4 раза выше данных, представляемых специально уполномоченным органом. Соболей добывают в три раза больше, чем количество выделяемых лицензий.

Можно допустить отклонение в оценке ресурсов вида в пределах годичного прироста популяции соболя, около 25—35%. Но отклонение в три раза говорит о том, что государственная система оценки ресурсов вида не работает. Такая ситуация сохраняется уже много лет. Отсюда следует, что осуществляемая лицензионная система не контролирует промысел соболя.

Часто используется формулировка — «потеря государством контроля над промыслом соболя». Всем известно, какие силы вложила Советская власть для восстановления соболя. Планировать, принимать решение пришлось, не имея опыта. Мы на соболя смотрим только с меркантильным интересом. В те далекие годы для увеличения поголовья зверьков нужен был умеренный промысел. С этой целью были введены лицензии на добычу соболя, они выдавались бесплатно, только с целью регулирования численности. Таким образом, промысел вида регулировался до конца 60-х гг. XX столетия, пока в стране не возникла мода на мех соболя. Во время на заготпунктах за одну шкурку давали около 26 руб., а если ее продать на воротник или на шапку, можно было выручить 100—150 руб.

Именно в эти годы в СССР возник нелегальный оборот пушны, называемый в народе «черным рынком». Тема оказалась под запретом. Промысловики сдавали в хозяйство только часть пушны, по количеству соболей, оговоренным договором или нарядом-заданием, а сверхлимитную продукцию продавали частным лицам. С этого периода лимитная система перестала работать, и государство потеряло контроль над использованием ресурсов соболя. И все последующие годы лицензировалась не добыча соболей, а заготовка их шкурок. Государственный орган, контролировавший отрасль, делал вид, что он свою работу выполняет. В 70-е гг. на популяцию соболя был сильнейший пресс охоты. Я помню, как от Красноярска в западном направлении вдоль транссибирской магистрали на полосе шириной 100 км не было ни одного соболя. Сейчас они там бегают по дачам. В те годы я ежегодно ездил в верховья рек Кана и Агула. Плотность населения и ареал вида вписывались в рамки, приведенные в начале века Д.К. Соловьевым (1921). В том, что в 70-х гг. удалось сохранить поголовье соболя, заслуга не государственных органов, а охотников-производственников, создавших технологию неистощимого использования ресурсов соболя, опираясь на традиционный уклад ведения промыслового хозяйства. Промысловые охотничьи участки выделялись при проектировании охотхозяйств. В Сибири их проектировали, исходя из расчета рационального использования ресурсов соболя (Линейцев, 1973). Эта методика базируется на продуманной системе размещения охотничьих участков, количестве охотников, оборудованности территории избушками, пути-

ками, ловушками. В специальной литературе это хорошо описано (Карелов и др., 1980). И эта технология себя зарекомендовала, вот уже 40 лет она обеспечивает неистощимое пользование ресурсами соболя. Государство может регулировать промысел соболя правилами охоты, меняя сроки и способы охоты.

Шкурка соболя — это товар. Она представляет собой сырье животного происхождения и перевозят ее по разрешению ветеринарного органа. Сейчас, в результате объединения охотнадзора с ветеринарной службой, старая бюрократическая система заработала на новых рельсах. Ветеринары не выдают разрешение на провоз шкурок соболя, если нет лицензии на добычу.

С какими трудностями сталкивается охотник-промысловик? Как правило, лицензии в край поступают почти всегда в сентябре-октябре, когда охотнику уже надо быть в тайге. За лицензией надо ехать в Красноярск. Очень накладна не только дорога, но надо внести еще и определенную сумму за лицензию. Ни один охотник, даже охотовед не в состоянии перед сезоном охоты спрогнозировать, сколько соболей можно добыть в предстоящем сезоне. Успешность охоты зависит не только от численности соболя в природе, но и от погодных, экологических условий, здоровья охотника. Поэтому каждый охотник стремится «не выкинуть деньги на ветер», а приобретает среднестатистическое количество лицензий. Рядовой охотник их может выкупить только у пользователя, за которым данные угодья юридически закреплены.

В советское время лицо, получившее угодья в целях ведения охотничьего хозяйства, должно снабжать охотников орудиями охоты, завозить на участок, т.е. использовать их, как рабочую силу. В настоящее время охотник сам, на свои деньги, должен оборудовать свой участок избушками, ловушками, закупать боеприпасы, лицензии, продукты на сезон, оплачивать завоз всего необходимого на рабочее место. Юридическое лицо не утруждается этими заботами. Являясь обладателем лицензии, оно требует сдачи продукции только ему, в противном случае охотник не получит на следующий сезон участок. До прошлого года охотники сдавали часть продукции хозяину охотничьих угодий по низкой цене, а другую часть реализовывали на правах имущества граждан. При жестком лицензионном контроле охотник вынужден будет сдавать всю продукцию хозяину угодий. Что мы получили в результате преобразования? Хозяина охотугодий, обладающего всеми правами, и бесправного охотника.

В студенческие годы, будучи на практике в Эвенкии, я часто слышал, как охотники спрашивали друг у друга: «Ты покрутился?», то есть «Ты закупил все, что тебе надо для промысла?» В Большой Советской Энциклопедии «покрута» — это кабальная сделка. «Покрута»

была широко распространена в России. Купцы давали деньги или товары, необходимые для промысла охотнику, а последний должен был с ним расплатиться частью добытой пушины. Во время недавнего экономического кризиса охотники, чтобы «покрутиться», обращались к предпринимателям. Все строилось на личных отношениях. Предприниматели субсидировали охотников, после окончания сезона охотники расплачивались с ними «хвостами». Эта отлаженная система работает до сих пор, и будет работать далее, пока есть спрос на шкуру соболя. В те трудные годы ни государственные чиновники, ни депутаты не помогли охотникам. Это сделали мелкие предприниматели, благодаря их небольшим финансовым ресурсам отрасль пережила кризис экономики страны. В данном случае охотники платили предпринимателям за услуги. А какие услуги они получают от юридического лица? Лицензии! И это юридическое лицо заинтересовано в сохранении существующего порядка, так как именно лицензии дают ему власть и деньги.

В сезон охоты 2006/07 разыгрались события, связанные с введением нового порядка, разработанного Россельхознадзором. В конце декабря была блокирована работа пушно-меховых компаний. Первыми удар получили те, которые хотели выставить товар на декабрьском аукционе в Копенгагене. Ситуацией воспользовались все компании. Они снизили цену за шкуру соболя почти на тысячу рублей. По итогам прошлого сезона охоты мы можем констатировать возникновение нового рынка — рынка бумаг — лицензий на добычу соболя. Государственная цена одной лицензии на добычу соболя 120 руб. Предприниматели в прошлом году шкуру соболя без лицензии принимали по цене около 1600 руб., а с лицензией на 500—1000 руб. дороже. За лицензию надо заплатить государству 120 руб., а за нее с охотника получить одну тысячу рублей. Рентабельность подобной сделки свыше 800%!

Практика показывает, что количество лицензий обычно значительно меньше количества, заявленного охотозаявством. Данный шаг можно мотивировать тем, что Москва мало выделила лицензий. Таким образом, можно сформировать определенный фонд, который, под видом невыкупленных лицензий, продает их избранным компаниям за неофициальную доплату. Некоторые идут далее: юридическое лицо, условно назовем его «Некоммерческое партнерство Х», приобретает лицензии якобы для своих охотников. Так как лицензии были получены поздно, охотники уже ушли в тайгу, лицо перепродает лицензии заготовителям. По выходу из тайги охотники обнаруживают, что у них нет лицензий. Тут же появляется сердобольный представитель компании, который готов принять у них шкурки, но на тысячу рублей дешевле.

Как избавиться от этой весьма кор-

рупированной системы? Власть должна принять волевое решение. Ликвидация командно-распорядительной системы оздоровит промысловое охотничье хозяйство. Примером может быть развитие пушного промысла с 90-х гг. прошлого века до 2006 года. Развитие отрасли шло по законам рынка. Результаты внушительные. Без государственной протекции сформировались хозяйства, которые способны выставлять на продажу более 400 тыс. шкурок соболей.

Вот уже 16 лет в стране формируется рыночная экономика, а нормативная база охотничьего хозяйства осталась советской. Отдельные пункты ФЗ «О животном мире», по сути, не отличаются от Приказа Главохоты «О порядке закрепления охотничьих угодий» или «О порядке добычи диких животных по лицензиям...»

Существующую лицензионную систему на добычу соболя надо менять. Шкура соболя, как товар, должна обращаться по законам рынка. Пушной рынок — это вымирающий рынок. Объем продажи пушины в мире с каждым годом сокращается. Он находится под пристальным вниманием разных экстремистских организаций, выступающих за права животных. Они пытаются убедить мир в том, что носить меховые изделия аморально. Как дамоклов меч над пушным промыслом России висит Постановление ЕЭС № 3254/91 «Запрет на использование ногозахватывающих капканов и ввоз в страну Сообщества шкур и готовых изделий из определенных видов диких животных из стран, в которых производится их отлов с помощью ногозахватывающих и других видов капканов, которые не отвечают международным стандартам гуманного отлова». По просьбе России и других стран ввод в действие этого постановления откладывается с января 1995 года. Нет никаких признаков, что в государстве ведутся работы по урегулированию данного вопроса. Ведь заметили же канадцы капканы своим охотникам на модель, отвечающую требованиям гуманности.

Необходимо отметить, что данное «обострение» у Россельхознадзора было спровоцировано конкурентной борьбой между частной Российской компанией ОАО «Союзпушнина», которой принадлежит Санкт-Петербургский пушной аукцион, и «Кооперативом звероводов Дании», хозяином Копенгагенского пушного аукциона. Я не предлагаю, что чиновники Европарламента, как их российские коллеги, примут ответные действия. Дальнейшее развитие раскрученной властями политики может нанести ущерб и не только Санкт-Петербургскому аукциону. Что продается на этом аукционе? На январском аукционе 2007 г. было выставлено 235 тыс. шкурок норки, 8 тыс. — хорь, 12 тыс. — песца клеточного разведения, 1,5 тыс. — клеточной красной лисицы, 10 тыс. — серебристой лисицы и 176,3 тыс. — соболя, в апреле — 180 тыс. шкурок со-

боля. Еще около 40 тыс. было выставлено на Копенгагенском пушном аукционе. Всего 396,3 тыс. шкурок — ведущее место.

Собольники считают, что охотники в России ежегодно добывают более 400 тыс. соболей (Синицин, 2007). На сезон охоты 2006/2007 гг. было выделено 300 тыс. лицензий, плюс 30 тыс. — дополнительно. Достоверно известно, что на данный момент в Красноярском крае (включая Эвенкию) с прошлого сезона осталось более 20 тыс. нереализованных шкурок соболя, а по стране — более чем 70 тыс. шкурок. По средним ценам апрельского аукциона сумма ущерба данного мероприятия стране оценивается в 7 млн. 280 тыс. долларов США. К следующему сезону размер этого ущерба будет увеличиваться, как снежный ком. Как наши, так и зарубежные купцы обязательно воспользуются сложившейся ситуацией, и будут играть на понижение цены. В первую очередь они придерутся к клейму на шкурке. По критериям, принятым в товароведении пушно-мехового сырья, это уже дефект, снижающий цену шкурки на 10%. При реализации 360 тыс. шкурок соболей (такое количество лицензий выделено на добычу соболей в сезоне охоты 2007/2008 гг.), хотя бы по апрельским ценам 2007 г., можно выручить 37 млн. 440 тыс. долларов США. Ущерб от государственного вмешательства, оцениваемый малым дефектом (10%), составляет 3 млн. 744 тыс. долларов. Кроме того, в связи с возникшей нестабильностью на пушном рынке России, возможна дальнейшая игра на понижение. Если им удастся сбить цену до уровня 90-х гг. (50—60 долларов США за шкуру), страна потеряет около 15,8—19,4 млн. долларов. К этой сумме надо добавить ущерб от нереализованной пушины, от непроданных шкурок. Такова цена государственного регулирования.

Если в сезоне 2007/2008 гг. нанесен всего лишь ущерб пушному промыслу, то в последующие годы некомпетентное государственное решение уже просто разрушит пушной промысел России. Деньги, вырученные от продажи пушины в 2008 г., не покроют затрат охотников на ведение пушного промысла. Промысел окажется нерентабельным в отдаленных охотничьих угодьях. Ожидается снижение добычи зверьков, падение заготовок, возрастает вероятность потери рынка сбыта соболиных шкурок. Ведь потеряли же мы рынок сбыта белого песца, красной лисицы. Количество заготавливаемых шкурок этих двух видов вместе было равно заготовкам шкурок соболя. Я не беру во внимание малоценные и малочисленные виды. В списке диких пушных зверей (в 60-х гг. прошлого века) значилось 33 вида (Пилитович и др., 1971). Сумеет ли после такого удара пушной промысел восстановить свои старые позиции? Не знаю.

Как изменить эту порочную систему? Очень просто. Необходимо господству-

ющий советский стиль руководства в экономике сменить на рыночный. Государство должно доверять своим гражданам. Все цивилизованные страны мира идут по этому пути. Сейчас все предприниматели берут лицензию на осуществление определенного вида деятельности. По окончании года они декларируют свои доходы и платят налоги государству. А охотники находятся в гораздо худшем положении. Они должны три раза получать лицензию: первый раз — на предпринимательскую деятельность как охотник, иначе он не получит угодья для ведения охоты; второй раз — на пользование объектами животного мира в целях охоты; в третий раз — на добычу животного. По всем нормам здравого смысла он должен получить только одну лицензию — на ведение охоты на определенном участке. По окончании охоты он должен декларировать свои доходы (количество добытой пушны) и заплатить установленные законом налоги. Дело государства — определить, перед кем охотник должен отчитываться, перед специально уполномоченными или налоговыми органами. Кто-то должен принимать такие декларации, выдавать соответствующие документы и вести статистику (мониторинг) добытых животных. Количество добытых животных

является основным критерием оценки состояния их численности. Если дичи много, то ее добывают, а если нет, то не добывают. Охотник должен продавать свою продукцию там, где ему выгодно. Далее уже налоговые органы будут контролировать, где и сколько охотник продал.

Касаясь промысловой охоты, необходимо отметить, что процедура получения охотугодий задумана таким образом, что охотник-промысловик, не имеющий высшего образования, никогда не получит эти угодья. Их никогда не получают охотники из коренных и малочисленных народов Севера. Такую порочную систему надо менять. Угодья должны принадлежать охотникам. Если мы узаконим охотничьи участки как самостоятельные образования, то любая попытка захватить большие угодья и эксплуатировать охотников попадает под антимонопольное законодательство. В этом случае традиционный пушной промысел будет как-то защищен государством.

Подытоживая, я хочу подчеркнуть, что в настоящее время мы наблюдаем процесс захвата пушного рынка определенными группами лиц. Идет борьба между пушными аукционами. На местах отдельные юридические лица получают охотничьи угодья на законных основа-

ниях, в результате чего охотники у них оказываются на правах крепостных. Отдельные пушномеховые компании пытаются захватить рынок, используя бюрократические механизмы. К сожалению, идет борьба только за присвоение труда охотника, нет конкурентной борьбы, которая двигала бы отрасль вперед. Основной инструмент в этой борьбе — лицензия на добычу соболя. Охотники-промысловики — основная армия, которая создает данную продукцию, выступают за отмену лицензий. Пушной рынок — это умирающий сегмент, и к нему надо относиться бережно. Надо принять во внимание, что он до сих пор дает средства существования более сотни тысячам семей, проживающих в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Существующий порядок передачи объектов животного мира в пользование и проживания пользования ими не соответствуют нормативно-правовой базе новой России. Замена командно-распорядительной (лицензионной) системы добычи соболя на заявительную, декларационную я рассматриваю как один из механизмов снятия напряженности на пушном рынке. И, как всегда в России, такую реформу надо было сделать еще в прошлом году.

НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ

- оптические прицелы,
- кронштейны боковые и вертикальные,
- а также бинокли, лазерные дальномеры, прицелы ночного видения отечественных и зарубежных производителей

Pilad

ОАО "Вологодский оптико-механический завод"
160009, Россия, г.Вологда, ул. Мальцева, 54
тел.(8172) 21-58-15, 21-06-10, факс (8172) 72-61-45
e-mail: commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru; web: www.vomz.ru

Охотничьи тропы

Сейчас не мало всяких вездеходов. Но есть места, куда добраться можно лишь на «своих-двоих». С ружьем или фотоаппаратом доводится ходить по разным тропам. Иногда они похожи на прогулочные тропинки в парке, чаще на тропы кабанов. Звери обходят топкие места, а охотники и рыбаки, чтобы спрямить дорогу, строят клади. Лишь бы скорее попасть в заветные места.

Как возвращаться в темноте — вопрос второй. Случалось, «сдыхали» батарейки в фонаре и приходилось пытаться светить мобильным телефоном. Но он для этого пригоден мало и вместе с хозяином купался ночью в болотной воде. Хорошо, если трудный путь приводит к тому, чего ждешь. Но часто — он только воспитанье духа.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Медвежьи пристрастия

А. ПОТАПОВ. Фото В. НИКОЛАЕНКО

Ознакомившись со статьей С. Пучковского в журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 1 за 2008 г. «Бурные медведи с немытыми лапами», хочу высказать свое мнение по затронутому вопросу, особенно в части пристрастия бурого медведя к смоле (живице) хвойных пород.

Мое мнение основывается на более чем 30-летнем стаже работы, связанной с добычей живицы в Иркутском Приангарье, бывшем крупнейшем изготовителе «янтарного золота» в Советском Союзе. Вместе с подсосным производством Приангарья мною пройден путь от его расцвета в 60-х—70-х гг. до полной ликвидации в середине 90-х гг. По долгу службы мне часто приходилось выезжать в химлесхозы области и непосредственно на мастерские участки, встречаться со вздымщиками и

сборщиками живицы, где в частных беседах заходили разговоры и о встречах с медведями.

Убежденности в правоте высказываемых мною предположений добавляют и охотничьи скитания по приангарской тайге, продолжавшиеся более 45 лет. За эти годы приходилось неоднократно встречаться как с самими медведями, так и со следами их жизнедеятельности и проявлениями поведенческих инстинктов.

Накопленные за многие годы наблюдения однозначно говорят, что повышенного интереса к подсосному промыслу, а, следовательно, и к сосновой живице, у медведя не наблюдается. И хотя встречи вздымщиков и сборщиков с медведями, как соседями по одной лесной «коммуналке», довольно часты, в большинстве случаев они заканчиваются мирно, хотя нередко были встречи и с трагическим исходом. В последних случаях людские пути пересекались с тропами медведицы-матери с потомством, или вздымщик наткнулся на медведя, поедающего или охраняющего свою добычу. Вместе с тем прямого ущерба промыслу, наносимого медведями в виде сбрасывания с дерева живицеприемников, опрокидывания и разбивания бочек, расставленных по участку, и других проказ, не отмечалось. Возможно, это вызвано тем, что сосновые боры, где ведется подсоска, отличаются скудными кормовыми и низкими защитными свойствами, и медведи неохотно заходят в такие уголки.

Однако нет правил без исключений. Об одном таком случае, проявленного медведем интереса, хочется поведать. Произошло это событие на севере Тулунского района Иркутской области. В начале 70-х гг. на опытных деланках Сибирской зональной станции по подсоске леса проверялась эффективность применения разреженных сборов живицы с использованием пленочных приемников. В начале сентября, перед завершением опытных работ на площадке, где изучался разовый режим сбора живицы, значительная часть приемников была самым бесцеремонным образом сброшена на землю. Все приемники были порваны, а куски забаррасировавшейся живицы валялись под деревьями. Уже при беглом осмотре следов учиненного разбоя виновник с неопровержимой достоверностью был установлен — на каррах и валявшихся на земле кусках живицы густо налипла медвежья шерсть. Приемники были сорваны только лишь на пути следования зверя, без отклонения по сторонам. Дальнейший осмотр места погрома показал, что первоначально медведь побывал под навесом, где хранился рабочий инструмент: ведро, весы и другое необходимое обо-

рудование. Там же хранился и стимулятор смоловыделения — каолиновая паста серной кислоты. Стекланная банка со стимулятором была опрокинута, а на разлитой по земле пасте отпечатался медвежий след. Видимо, попадание такого активного химического вещества на лапу и спровоцировала медведя на недружественное поведение. Пленочные приемники были до краев наполнены водой и живицей и, чтобы как-то успокоить наступившее жжение лапы, медведю потребовалась вода для промывания, которая и оказалась рядом в приемниках. На пути следования до навеса ни один приемник не был ни поврежден, ни сброшен с дерева, что косвенно подтверждает предположение о причинах его агрессивного поведения. Этого небольшого трехлетнего медведя мы добыли в начале ноября на берлоге, выкопанной под толстым листовым пнем на северном склоне ручья, в километре от устроенного в сентябре погрома.

За время многолетних охотничьих скитаний мне приходилось часто встречаться со следами, оставляемыми медведями на стволах деревьев. При этом абсолютное большинство «меченых» деревьев составляли стволы пихты сибирской. Крайне редко были помечены кедр и ель, но никогда не встречалась сосна и лиственница. Такое пристрастие к пихте я объясняю биологическими особенностями, существенно отличающими ее от других хвойных пород. Во-первых, смоляная система пихты находится не в древесине, как у остальных хвойных пород, а в коре в виде обособленных смоляных карманов, связанных смолоходом с наружными желваками, которыми покрыта вся поверхность ствола. Такое строение смоляной системы пихты позволяет без особых усилий вскрыть карманы и желваки когтями, а, надавливая лапами на поврежденную кору, собрать выступившую живицу. Во-вторых, живица пихты отличается специфическим запахом, долгое время сохраняет слабовязкую консистенцию и обладает широким спектром лечебных свойств (до конца не изученных). В-третьих, пихта сибирская, как одна из лесообразующих пород темнохвойной тайги, сопутствует медведю в его излюбленных местах обитания Среднего Приангарья. В пределах ареала этого животного почти повсюду произрастает тот или иной представитель рода пихт — сибирская, белокорая, сахалинская, камчатская и другие, со сходными биологическими особенностями.

Можно предположить, что пихтовая живица является каким-то регулятором важных жизненных процессов медведя, помогающих его организму перейти на

режим питания естественными привычными кормами после полугодовой спячки. Когда медведь выходит из берлоги ранней весной, его кормовая база скудна и однообразна. В это время легко доступны лишь проснувшиеся муравьи, личинки короедов и усачей в старых пнях и валежинах, корневища и клубни лесных трав, которые и бывают выкопанными из земли вблизи места выхода зверя из берлоги. Медведь всеяден, но не приступает к поеданию свежесбитой туши, а ждет, пока, заваленная лесной подстилкой, ветками кустов и

валежником, она не протухнет. Этим же, на мой взгляд, объясняется и появление медведей на свалках и помойках в поисках пищи, посещение ими временных лесных поселков лесохимиков, лесозаготовителей, геологов, лесоустроителей, где за сезон, из-за неправильной их утилизации, скапливается большое количество гниющих пищевых отходов. И хотя в мире животных подобные страсти к отдельным запахам и вкусовым ощущениям не редкость (куны — к валериане лекарственной, копытные — к вахте трехлистной и т.д.), поднятый

в статье вопрос представляет большой интерес для ученых-биологов и натуралистов.

Что касается «мечения» стволов, вороватов, валежин и др. шерстью во время линьки, по всей видимости, здесь «мечение» имеет иную цель и носит характер необходимости в почесывании. В этом случае объект, о который чешется любой зверь (не только медведь), не имеет видового значения и выбирается по принципу удобства, что оказалось под рукой.

К 60-летию со дня рождения

Анатолий Петрович Каледин

Анатолий Петрович Каледин родился в Москве 24 сентября 1948 года. Уже в детстве проявил интерес к живой природе, к животным. Впоследствии этот интерес стал основой его жизни и работы. Занятия в Кружке юных биологов Московского зоопарка расширили его познания о животных, укрепили желание посвятить себя изучению и охране природы, животного мира. После окончания школы, он начинает свой трудовой путь рабочим Московского зоопарка, и вся его дальнейшая трудовая деятельность связана с вопросами охраны и рационального использования животного мира. Менялись только места работы и должности. Анатолий Петрович постоянно занимается повышением своего профессионального уровня, в 1967 году поступает во Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования и получает специальность биолог-охотовед. В дальнейшем его трудовая деятельность непосредственно связана с охотничьим хозяйством, с охотоведением. Он становится директором охотхозяйства, председателем правления Московского общества «Рыболов-спортсмен», председателем правления Московского городского общества охотников и рыболовов, кандидатом биологических наук.

Анатолий Петрович занимается не только практической, но и научной деятельностью. Он был одним из инициаторов и организаторов проведения в 2000–2004 гг. четырех научно-практических конференций в Нижнем Новгороде в рамках форумов «Миллион Друзей» (Живая природа и общество). По его инициативе в 2001 г. в Комитете по культуре и туризму Государственной Думы прошло обсуждение темы «Деятели культуры, искусства, науки и экологии в защиту планеты Земля», что нашло широкий отклик у научной и творческой общественности. В 2005

Анатолий Петрович Каледин

и 2007 гг. проходят две Международные научно-практические конференции «Сохранение разнообразия животных и охотничьего хозяйства России», инициатором, организатором и членом редколлегии по изданию материалов которых также был А.П. Каледин. Анатолий Петрович — автор более 60 печатных работ не только по охране природы, сохранению биоразнообразия, охотоведению, но и по богословию.

Накопив большой опыт практической, научной и общественной работы, А.П. Каледин щедро делится своими знаниями в печатных работах, в публичных выступлениях, конференциях и т.д. В последние годы он преподает в Российском государственном аграрном университете — МСХА имени К.А. Тимирязева на кафедре зоологии, читает оригинальные авторские курсы — «История охоты» и «Фенология» — для биоло-

гов-охотоведов. Круг его интересов достаточно широк: он замечательный фотограф, его работы поражают пониманием природы, умением увидеть удивительное в обычном. Прошло несколько выставок его фотографий, в том числе в Центральном доме работников искусства в 2007 г. Художественные таланты А.П. Каледина нашли отражение не только в фотографиях. Внимания заслуживают его литературные произведения. Истинно русская душа Анатолия Петровича выразилась в этих его работах, в том числе «Православие и охота». Анатолий Петрович является членом редакционных коллегий ряда изданий. По его инициативе и под его редакцией был выпущен справочник «Кто есть кто в русской охоте (1766–2003 гг.)».

В 1998 г. А.П. Каледину присваивают звание Заслуженный эколог РФ за его активную практическую, научную и общественную деятельность по защите природы и сохранению биоразнообразия. Заслуги его по достоинству оценены не только государственными структурами, но и наградами различных общественных организаций — Международной экологической ассоциацией, Русским охотничьим клубом, обществами охотников и рыболовов. А.П. Каледин — «Заслуженный работник охотничьего хозяйства России», награжден Медалью святого благоверного князя Даниила Московского Русской православной церкви.

Поздравляя дорогого Анатолия Петровича с юбилеем, мы желаем ему доброго здоровья и дальнейшего плодотворного служения делу охраны природы и животного мира.

Декан зооинженерного факультета
РГАУ-МСХА им. К.А.Тимирязева,
профессор Г. АФАНАСЬЕВ
Зав. кафедрой зоологии РГАУ-МСХА
им. К.А.Тимирязева, академик РАЕН,
профессор Г. БЛОХИН

Шалашный рай

Юрий ТУНДЫКОВ. Фото автора и А. Левкова

В статье «Советы бывалых охотников» («Охота и охотничье хозяйство», 2008, № 3) автор Дмитрий Житенев описывает типы охотничьих домиков, встречающихся в тайге, и делится опытом по их возведению и обустройству. Пользуясь поводом, хочу познакомить читателей с собственной практикой строительства охотничьего жилья, несколько отличающегося от традиционного и, как мне представляется, в большей степени учитывающего потребности и возможности нынешних российских рядовых охотников-любителей.

«Ракушка». В тот год осенняя охота по водоплавающей открывалась на Среднем Урале во второй декаде августа, в субботу, с утренней зари. На одной из песчано-каменистых гор, возвышающихся над торфяниками, нас собралось на ночевку человек пятнадцать. Еще до наступления темноты зарядил мелкий дождь, который продолжался всю ночь. Для костров он опасности не представлял, набрав жара, они испаряли влагу без признаков угасания, только шипели и потрескивали. И все-таки наше положение оказалось не из приятных, к моменту выхода на зорьку вымокли все изрядно.

Часам к трем дня я вновь был у знакомой горки. Застал ее безлюдной, но часам к пяти подошли трое парней. Они быстро разбили палатку — и вовремя: после длительной дневной паузы дождь возобновился с новой силой. В этот момент я и завидовал новоприбывшим, и критически размышлял над их и своим положением. Палатка на сегодня — это конечно здорово, но вообще говоря, вся эта палаточно-костровая романтика в нашем климате и при нашей уральской погоде — на одну-две охоты, не более.

А дождь сыпал не переставая, и я, как и в прошлую ночь, ни на минуту не сомкнул глаз, таким образом, впервые в жизни обошелся без сна двое суток подряд, и это не в метафорическом смысле («Трое суток шагать, трое суток не спать»), а в буквальном. Тогда-то и пришла мысль построить собственное охотничье жилье.

С самого начала этот приют представлялся мне малогабаритным и потому я загодя назвал его «Ракушкой» (по аналогии с наименованием известного типа микрогаражей). Летом во время отпуска облазил все глухие места (мое пристанище не должно быть проходным двором). Подходящее место скоро нашел и сразу стал заготавливать строительный материал — сосновый сухостой не толще 8—10 см в диаметре. Планировку и все остальное додумал

дома: размеры — 220 см в длину и 120 см в ширину при высоте в коньке до полутора метров; стены не сплошные, а щелюстые (от жерди до жерди пропуск на толщину жерди); снаружи обшивка стен рубероидом, а изнутри — обивка гофрированным упаковочным картоном; кровля — из тех же в разбивку жердей под полиэтиленовой пленкой и рубероидом; отопление — печка из обыкновенного ведра.

Тратиться на постройку почти не пришлось (прикупил лишь гвоздей), все необходимое — обрывки рубероида, картон, ведро и даже пленку — подобрал на свалках и у мусорных контейнеров. В использовании этого вторичного сырья заключался для меня какой-то особый любительский интерес. А для завершения всего мероприятия хватило двух поездов — не более восьми «чистых» рабочих часов (не считая, правда, времени, затраченного на изготовление печки).

«Ракушка» добавила полноты, цельности и радости моим охотам в здешних местах, она исключила случаи, когда охота действительно может показаться пуще неволи (об одном из которых уже рассказывал). Вспоминается в этой связи еще одно, на этот раз позднееосеннее, стояние на вечерней заре при холодном порывистом ветре с дождем. Я был один среди торфяников, бездонных, как казалось, бочагов с водой и топей. По мере сгущения сумерек нервный тонус снижался, появилось ощу-

«Шалаш» при достройке (еще без покрытия пленкой и рубероидом). Внизу слева — снег

щение боязливости, заброшенности, тоски. Едва достояв зорю, привычными отработанными переходами и лазами, освещая путь фонариком, пробрался к своему убежищу. Не мешкая, забрался внутрь, закрыл дверь на крючок, зажег огарок свечи, растопил печку. Вместе с отгороженностью от стихии, теплом и уютом пришли спокойствие и вообще нормальное восприятие происходящего.

«Шалаш». Несколькими годами раньше мои коллеги — Александр Матвеев и Анатолий Левков стали приобщать меня к охотам на боровую дичь в лесах Западной части Среднего Урала (часак в трех езды от Екатеринбурга). Ночевали в тех угодьях по-разному: иногда в палатке, но чаще под открытым

Обед на «веранде» у «Берложки» (на снимке А. Левков)

Летник. Май 1999

небом у костра, а изредка в одной из трех, расположенных там, избушек, построенных в традиционном стиле и принадлежащих знакомым охотникам. Но постепенно вызревал замысел возведения собственного жилья. Копировать имеющиеся нам не хотелось: смущала их тяжеловесность, большая трудоемкость при строительстве и ощутимая (по крайней мере, в одной из них) сырость внутри. Нам же хотелось иметь, с одной стороны, что-то попроще, полегче, а с другой, если хотите, изящнее, гигиеничнее. В конце концов выбрали такой вариант: размеры — 3 м на 180 см; боковые стены высотой 80 см, а над ними два шалашных ската высотой в коньке до 2 м. Материал стен — тонкий еловый и пихтовый сухостой, укладываемый на мху и прибиваемый к столбам гвоздями. Кровля формировалась точно также — путем накладывания жердей на стропила параллельно боковым стенам (см. фото), и тоже на мху. Скаты покрыли пленкой под рубероид. Как и в случае с «Ракушкой», водозащитную функцию всецело возложили на пленку, назначение же рубероида, по замыслу, было иное — маскировка пленки (и всего строения), укрытие пленки от губительных солнечных лучей и предохранение ее от механических повреждений (при возможных и неизбежных падениях сверху сучьев и шишек). Рядом с «Шалашом» оборудовали «веранду» — каркас из жердочек, на который по приходу набрасывали пленку. Если не было особенно холодно (впрочем, на случай холода и сырости нанесли в «Шалаш» разных теплых и сменных вещей), обедали и отдыхали, как правило, на «веранде», а в ненастье по возвращении с охоты превращали жарко натопленную избу в сушилку для одежды. Никто из хозяев других избушек до идеи «веранды» не додумался.

Почти 17 лет прослужил нам «Шалаш». Дважды ночевали в нем, когда на-

ружная температура ночью достигала минус 40° (15 января 1989 г. и 7 января 1990 г.).

«Летник» и «Берложка». С разрешением весенней охоты на тяге (конец 80-х годов) мы решили построить новое охотничье жилье, расположенное ближе к железнодорожной станции, чем «Шалаш», и предназначенное именно для этой охоты. Опять-таки все расчеты произвели дома: 260 см на 130 см при высоте 180 см (верх ската) и 150 см (низ ската); число бревнышек — около 40 диаметров от 15 до 20 см. Технологию строительства избрали «шалашную», но с существенным отличием: поскольку в

Автор на порожке «Ракушки»

ход шли относительно толстые сухары, поскольку в концах лесин приходилось выбирать (выпиливать и вырубать) древесину, чтобы 20-сантиметровые гвозди надежнее захватывали и лесины, и опорные столбы. Последнее обстоятельство сделало стройку довольно трудоемкой и относительно долговременной (почти недельной). Но, в конце концов, избушка была построена. Назвали ее «Летником» (см. на снимке). И что немаловажно, опыт по ее возведению использовали при строительстве еще одного жилья — «Берложки».

Но тут требуется пояснение: с началом российских реформ в дешенных краях были временно приостановлены лесоразработки и, как следствие, появилось немало праздношатающихся безденежных мужиков. Кто-то из них стал грабить, разорять и даже жечь охотничьи избушки. Дошла очередь и до нашего «Шалаша». Тогда-то мы и решили покинуть его и построить взамен другое, более глухое и потаенное жилье.

При возведении «Берложки» крепили бревна к столбам по-другому, чем в «Летнике»: гвозди забивали не со стороны бревен (они толстые — до 25 см), а со стороны столбов (их сделали тонкими — до 7—8 см). Прочность сооружения от этого нисколько не пострадала: ведь по сути бревна опирались не на столбы, а друг на друга, будучи соединенными в концах взаимными наложениями (как в финских домиках), столбы лишь поддерживали их в таком состоянии (в финских домиках эту функцию выполняют специальные спицы-штыри). В целом же строительство существенно упрощалось, облегчалось и ускорялось.

В заключение уделю внимание вопросу оборудования и вывода наружу печных труб в охотничьих избушках. Опыт показывает, что наилучшим способом жароизоляции труб является обертывание их в местах соприкосновения с кровлей асбестом (с последующим укреплением его проволокой). Но вот беда, асбест как губка, впитывает в себя влагу, и потому трубы в этих местах начинают быстро корродировать, даже если они сделаны из оцинкованной жести. Мы выходили из положения тем, что подкладывали под асбест тонкий гофрированный дюраль (тот, который используется для покрытия теплоизоляционного материала при прокладке теплотрасс). Но даже при соблюдении этой предосторожности целесообразно не делать трубы стационарными, а снимать их при уходе из избушки, перекрывая отверстие в кровле пленкой или рубероидом (тогда, при полной влагоизоляции, не будет ржаветь и печка, а также отсыревать и гнить дерево кровли в местах соприкосновения с трубой). Другое дело, что трубы не надо прятать в тайники, равно как и закрывать избушки на замок. Вспомним строчку из песни Б. Окуджавы: «Пусть будет теплою стена и мягкой скамейка, дверям закрытым грош цена, замку цена — копейка».

Корень «ряб» и суффикс «чик»

В. КРЫЛОВ. Фото автора

Я проснулся от хорошо знакомого мне нежного свиста. Выглянув в отворенное окно, увидел сквозь еще густые сумерки осеннего утра на ветке березы силуэт с детства знакомой мне птицы. Прихватив с собой пищик, стараясь не шуметь, я, как был босиком, ощущая подошвами холод остывших за ночь половиц, потихоньку прокрался темными сенями на крыльцо. Но рябчик, едва услышав скрип открывающейся двери, упорхнул обратно в ближайший перелесок.

Поднеся к губам тонкую трубочку пищика, я раз-другой посвистел и затаился. Спустия некоторое время раздался треск крыльев, и петушок выпорхнул из перелеска, спланировал и уселся прямо передо мной на куст черноплодной рябины, с уже побагровевшей от утренних заморозков листвой...

Само название этой сравнительно небольшой по размерам птицы из отряда тетеревиных как бы раскрывает ее внешний облик и характер. Корень «ряб» передает пеструю окраску ее перьев: от них, особенно на груди, словно рябит в глазах, а суффикс «чик» — ее задорный вид, подчеркнутый вдобавок небольшим хохолком на голове и едва намеченными красными надбровными дугами. Петушок по внешнему виду практически ничем не отличается от курочки, за исключением того, что у него черное горло и чуть больше размером хохолок.

Рябчик был первым моим охотничьим трофеем. В ту далекую осень мне только-только исполнилось четырнадцать лет, и хотя меня уже не раз брали на охоту, но ружья мне отец все же не доверял. Проще оказалось сговориться с хорошим приятелем моего отца — лесником дядей Васей Нецаевым. Когда в очередной раз мы приехали с отцом к нему в гости в деревню, он без лишних слов выделил мне свою тулку-одностволку 16-го калибра, дал, в придачу,

пяток патронов, снаряженных самокатанной дробью, и спровадил меня со своей собакой в лес.

Выжловка лесника была исконно-русского происхождения, но воспитана была в чисто деревенском универсальном духе, да и кличка у нее была вполне подходящая — Найда. Она без труда находила и гоняла зверье, которое бегало по земле; могла достать из-под земли тех, кто прятался в норы; азартно облаивала тех, которые прыгали по деревьям; в пределах ружейного выстрела, как заправская легавая, поднимала на крыло пернатую дичь, а коли надо, так запросто могла сплавить и за подранком...

Едва мы зашли с ней в лес, как Найда подняла с земли какую-то серую птицу, которая с громким треском небольших, но сильных крыльев стремительно поднялась из кустов и тут же с тревожным щелбетом уселась на толстый сук стоявшей поблизости вековой ели. Пока я, стараясь унять дрожь в руках, изготавливал для стрельбы, птица проворно перебежала по суку и скрылась за темным стволом дерева.

Я долго стоял в растерянности, держа ружье на изготовку, и уже был в полной уверенности, что упустил добычу, как из-за ствола осторожно показалась маленькая головка с задорным хохолком — она то появлялась на мгновение из-за ствола, то опять исчезала — чувствовалось, что птица высматривает меня и вот-вот улетит. Мне ничего не оставалось, как поторопиться прицелиться в нее и нажать на спусковой крючок.

За грохотом выстрела я не слышал падения птицы, а черное облако от дымного пороха, которым по старинке были снаряжены патроны лесника, в чаще леса долго не рассеивалось и закрывало от меня место ее падения. Я в растерянности ходил вокруг ели, стараясь разглядеть среди выступающих из-под

опавшей осенней листвы корней дерева свою первую охотничью добычу. Но то ли волнение мешало мне сосредоточиться, то ли я действительно промазал — кроме нескольких пестрых перышек я на земле ничего не находил...

Все мои поиски были бы наверняка обречены на неудачу, если бы мне не помогла верная Найда. Спустия некоторое время после выстрела она подскочила ко мне и, раз-другой оббежав вокруг дерева, вдруг встала на задние лапы и начала передними лапами царапать его кору, как это делают некоторые лайки при работе по белке. Тогда и я увидел подстреленную мною птицу — она повисла на дереве, зацепившись за сучья распростертыми крыльями. Выломав палку, я снял ее и долго рассматривал увесистую, как мне показалось, на ощупь тушку, в пестром убранстве легких нежных перьев. Поразили меня ее пестрое оперенье, как будто специально подобранное под цвет осенней листвы, и красного цвета надбровные дуги.

В тот день я не стал продолжать охоту, а поспешил домой, чтобы похвастаться перед взрослыми своим охотничьим трофеем. При виде добычи я заметил, как смягчилось выражение лица у отца, уже готового было отругать меня за самовольство. Он подошел к стене, снял с гвоздя свою трофейную бельгийскую двустволку 12-го калибра и со словами: «Ну, с первым полем тебя!» — протянул ее мне.

С тех пор я и стал пропадать в лесу на охоте, а охота на рябчиков на долгие годы стала моим излюбленным занятием.

Начинал я охотиться на рябчиков «самотопом». Рябчики и по сие время довольно широко распространены в наших лесах, а в пору моего отрочества отыскать за день ходы по лесным тропам один, а то и два выводка вообще не составляло особого труда. Рябчиков

было много, но не так-то просто их было взять при таком примитивном способе охоты. Очень быстро я убедился, что моей добычей могли стать только те птицы, которых во время долгой ходьбы по лесным чащам и вырубам я застигал врасплох и поднимал на крыло с земли, а они, как правило, старались тотчас нырнуть и спрятаться в спасительных ветвях какого-нибудь расположенного поблизости дерева, чаще всего — ели.

Если охотник не успевает прицелиться и выстрелить в птицу, пока она у него на виду, то дальше ему нужно обладать хорошим зрением, внимательностью и терпением для того, чтобы высмотреть рябчика, затаившегося на дереве.

Интересно отметить, что за все время охоты самотопом в наших лесах мне всегда удавалось добывать только двух рябчиков за день — ни больше, ни меньше. Но эта охота выработала у меня важные охотничьи качества: ходить в одиночку, не бояться заблудиться в незнакомом лесу, без усталости преодолевать большие расстояния, умение осторожно скрадывать затаившуюся дичь.

Традиционным способом считается охота на рябчика с манком, хотя в старые времена, когда дичь ходила в са-

наших лесах в изобилии, их ловили в основном силками. В пору моего детства еще можно было наткнуться в лесу на настороженные любителями полакомиться «рябчатинкой» силки с подвешенными для приманки веточками брусники.

Периоды активности рябчиков в течение суток примерно такие: наиболее охотно они идут на манок с начала рассвета и часов до 11 утра, а после полудня — вплоть до наступления сумерек. Для охоты на рябчиков нужны патроны, снаряженные не крупной дробью (шестого или седьмого номера), благоприятная погода и, что очень важно, хорошее расположение духа. Эта охота совершенно не терпит суетности и нервозности.

Стрельба при охоте с манком ведется исключительно по сидячей птице, но ружье должно быть с хорошим кучным боем, иначе не избежать подранков. Если у вас двустволка, то в один из стволов лучше заложить патрон с более мелкой дробью, снаряженный без контейнера, чтобы не слишком разбивать птицу, если придется стрелять с близкого расстояния. Но стрельба по сидячему рябчику отнюдь не означает, что на каждый ваш выстрел будет обязательно трофей. Подлетающий рябчик умеет искусно затаиваться в ветвях деревьев, укрываться за их стволы или за кусты травы, если он приближается к охотнику пешком по земле. Поэтому зачастую охотника-рябчатника одолевают сомнения: стрелять ли ему по трудно различимой, загораживаемой ветками или сучками цели, или продолжить манить и подождать — вдруг птица переместится и примет более выгодное для стрельбы положение.

Иногда признаком того, что рябчик уже заметил вас и вот-вот улетит, служит издаваемый им характерный звук, похожий на щебетанье. Тут уж выжидать больше нечего — нужно стрелять! По этим причинам результативность стрельбы по рябчикам даже для опытного охотника в среднем составляет не более 80 процентов.

Если же у вас возникает ощущение, что вы слишком часто стали мазать или после ваших выстрелов стали улетать подранки, лучше всего прервать охоту и проверить качество патронов. Несмотря на сравнительно небольшие размеры, рябчик очень крепкая (в сравнении, например с вальдшнепом) на рану птица. Надежный выстрел по рябчику заканчивается обычно падением птицы с дерева вниз и сопровождается звуком сначала интенсивного, а потом замирающего хлопанья ее крыльев о землю. Если сбита птица полетела от дерева по направлению к земле косо и упала неслышно, то это, скорее всего, подранок.

Если на ваш манок отвечали несколько птиц с разных направлений, то после выстрела не нужно спешить тотчас поднимать сбитую птицу: рябчики не столь боязливо реагируют на выстрел, как на хруст сучьев под ногами охотника. При этом нужно хорошенько запом-

нить дерево, с которого упала подстреленная птица, и, выждав некоторое время, вновь продолжить манить. Так иногда удается добыть несколько рябчиков, не сходя с одного места.

Для успешной охоты на рябчика охотнику, прежде всего, нужен хороший слух. С возрастом, как правило, высокие тона, на которых свистит рябчик, люди начинают плохо слышать, и бывает, что заядлый охотник-рябчатник к старости лет вынужден расстаться со своим любимым занятием. Я знал одного такого охотника, который до глубокой старости снабжал меня манками на рябчиков, и они у него получались просто отменными. Сам же он звук манков различал с трудом, не говоря уже о том, чтобы услышать свист отзывающихся на них рябчиков в лесу. Так он приноровился брать с собой на охоту жену. Обнаружат они вдвоем выводок, и он начинает время от времени посвистывать в пищик, а жена в это время слушает, как отзываются рябчики, и подает ему условные знаки. Со временем она так умело научилась дирижировать этим славным лесным оркестром, что без добычи они никогда не возвращались из леса.

Очень важно, чтобы охотник услышал перелет подманиваемого рябчика и определил траекторию его полета еще до того, как тот сядет на дерево. Опытный охотник всегда отличит глухой упругий звук, издаваемый крыльями рябчика при полете, от других схожих шумов осеннего леса и по этому звуку постарается определить направление его полета. Даже когда рябчик подбегает к охотнику по земле, он сначала перепархивает с места на место. Это важный момент, потому что подбегающего рябчика заметить вовремя бывает всегда очень трудно, и обнаруживает он себя тревожным щебетом, когда и пошевелиться-то бывает уже поздно.

Но бывают такие ясные осенние утра, совпадающие по времени с периодом осеннего токования тетеревов, когда рябчики-петушки, отзываясь на призывный свист манка, как бы специально издают крыльями характерный упругий звук, так волнующий душу охотника, перепархивая с ветки на ветку. Это очень похоже на подпрыгивание и хлопанье крыльями токующих косачей.

Рябчики очень хорошо чувствуют предстоящее изменение погоды. Бывает, утро пасмурное, а птицы охотно отзываются и быстро подлетают на выстрел, а бывает и день погожий, и солнышко светит, а рябчики, если и отзываются раз-другой, то тут же замолкают и не проявляют никакой активности. Значит, жди скорой смены направления ветра с южного на северный и затишного ненастья. Эти птицы очень не любят сырости и заботливо берегут свой нежный пуховый наряд, поскольку пух просыхает крайне плохо и быстро сваливается. По этой же причине рябчики никогда не идут на манок по земле, когда трава еще не совсем просохла после дождя, и не подлетают, когда с листьев деревьев обильно капает утренняя роса.

Охота на изюбря

Л. МАМОНОВ.
Фото автора

Каждую осень Дальневосточная тайга наполняется таинственными, могучими звуками. Начинаясь с низкого тона заканчиваются они протяжным стоном. Это режут изюбри, возвещая мир о том, что они созрели к продолжению рода. Во время гона быки почти ничего не едят и теряют свою природную осторожность.

Счастлив тот, кому довелось слышать торжествующую песню жизни — рев изюбря, и дважды счастлив тот, кому довелось участвовать в так называемой «охоте на реву». В числе таких счастливчиков оказался и я. Давно мечтал я побывать на своей Родине, в При-

морье, но все как-то не складывалось: то отпуск вовремя не давали, то денег не оказывалось. Наконец-то в этом году все сложилось, и я сел на поезд Владивосток—Москва, полный радужных надежд. Почему на поезд? Чтобы воочию убедиться, сколь страна родная широка, на самолете этого не увидишь. Что еще замечательно — моя поездка совпала со знаменательной датой — 135-летием со дня рождения замечательного писателя и натуралиста Владимира Клавдиевича Арсеньева. Шесть дней и семь ночей в пути пролетели незаметно. Я почти не отходил от вагонного окна, наблюдая за постоянно сменяющимся ландшафтом. На стоянках в больших городах выходил на перрон, общался с местным населением, собрал много материала для будущих статей.

Во Владивостоке, на железнодорожном вокзале, меня встретил мой земляк и заядлый охотник, Александр Дмитриевич, на его машине мы отправились на северо-восток в город Дальнегорск. Нам предстояло проехать 500 км, но по дальневосточным меркам — это пустяки. Родная сторонка порадовала ласковой погодой: тепло и солнечно. За ветровым стеклом проносятся города, поселки, распадки, ключи с названиями одно другого красивее: Уссурийск, Таёжка, Медвежий, Тигровый, Изюбриный, Лимонник...

А вот и город Арсеньев. Останавливаемся возле памятника великому исследователю Дальнего Востока. Вот он в полный рост, на боку полевая сумка, весь устремлен вперед. Поставлен памятник на средства жителей города. Продолжаем путь. Вдоль дороги торгуют арбузами «местного производства», съедаем один. Наверное, оттого, что арбуз с моей родной стороны, мне он кажется вкуснее, чем астраханский. Едем арсеньевскими

местами. Забрались на перевал через Сихотэ-Алинь. Здесь стоит мемориал, у подножия которого лежат свежие цветы, рядом березки, украшенные цветными тряпочками (язычество у нас всех в крови). Табличка на мемориале гласит: «Этот перевал прошли: Венюков М.И. — 1858 г., Пржевальский Н.М. — 1887 г., Арсеньев В.К. — 1906 г.».

Возложив цветы и украсив одну из березок новыми цветными лоскутками, продолжаем путь. Въезжаем в Кавалерово. За ним виднеется скала «Три брата», — та самая, где назначали свои встречи Арсеньев и Дерсу Узала. Когда-то здесь бродили лишь дикие звери да отважные путешественники, теперь мы лихо проносимся на автомобиле, беспечно поглядывая в окно. К вечеру подъехали к месту своей охоты: зимовье Базовая, где нас уже давно поджидал Михаил Иванович, председатель охотничьего общества «Тарга». Баньку приготовил, но нам не до нее, ведь столько лет

ожиданий... Переодеваемся, берем оружие, берестяные трубы, которые мы загодя купили в охотничьем магазине города Владивостока, и выезжаем на охоту. Форсируем реку Иман. Давно я не видел рек столь удивительной красоты, не даром она не раз упоминается в книгах В.К. Арсеньева. По этой же реке он вместе с Дерсу Узала спустился на лодках, что описано в книге «По Уссурийскому краю».

Едем по таежной дороге, хоть и труднопроходимой, но потихонечку едем. Временами останавливаемся, «гудим в дудку», слушаем. И вот наконец рев изюбря, ему вторит другой, третий. Только охотник поймет, что я пережил в эти минуты... начинаем подходить на рев. Нужно отметить, что когда идешь к реву изюбря, можно трещать сучьями, шуметь по кустам, поскольку бык, видимо, принимает это за звук приближающегося соперника. Главное, чтобы на изюбря не набросило ваш запах и чтобы он вас не увидел. Продвигаемся вперед, рев все ближе, и вот мы, как зачарованные, останавливаемся. На поляне, совсем недалеко от нас, бьются два быка, отчетливо слышны их тяжелые вздохи и стук рогов. Нередко такие поединки заканчиваются смертью одного из них, бывают случаи, когда быки, намертво сцепившись рогами, погибают оба. Но чаще всего один из них, признав силу соперника, покидает поле боя. Наши «бойцы» боролись около десяти минут, потом один из быков решил отступить, заметив это другой стал нападать еще яростнее. Самка следила за ними чуть поодаль. Я забыл обо всем на свете, и даже о том, что я на охоте. «Стреляй же!» — вернул меня к действительности Михаил Иванович, и я выстрелил в наступающего быка. Он упал, другой исчез вместе с самкой.

Добытый изюбр, с прекрасными рогами в пять отростков, оказался отличным трофеем.

Владимир Клавдиевич Арсеньев

Автор статьи с трофеем

Зайцы Омского Прииртышья

М. ШУТЕЕВ, кандидат биологических наук,
доцент кафедры биологии и экологии Института ветеринарной медицины
Омского государственного аграрного университета, биолог-охотовед
Фото В. Животченко

У зайцев-беляков зимой лишь кончики ушей остаются темными. Беляки довольно компактно сложены, хвост короткий

Заяц-русак — высокий на ногах, с ушами более длинными, чем у беляка, и более длинным остроконечным хвостом

Место наших наблюдений — охотугодья Омской области в 45—80 км от областного центра примерно в 5—8-километровой полосе вдоль железнодорожных линий Омск-Называевск (Любинский район) и Омск-Иртышское (Таврический район). За последние 9 зимних сезонов (с 1998—1999 по 2006—2007 гг.) мы добыли и исследовали 181 зайца:

Расхождения в среднем весе зайцев в Любинском и Таврическом районах были в пределах 100 г, поэтому даем обобщенный материал по этим двум районам. Средний вес зайцев-беляков составил 3,7 кг. Беляки весом 4,0—4,5 кг составили 19,2%, весом 2,4 кг — 4,5%. Средний вес зайцев-русаков — 4,1 кг. Русаки весом 5,0—5,5 кг составили 1,7%, весом 2,4—3,0 кг — 3,3%. В 1995 г. добыт самый крупный русак — 6,5 кг. Не приводим данных по среднему весу тумakov, так как вес тумakov «белячьей» конституции идентичен весу беляков, а «русачьей» — весу русаков.

В связи с тем, что вариации тумakov, как межвидовых гибридов зайцев-беляков и русаков, в Омской области достаточно разнообразны, кратко остановимся на внешних чертах омских беляков и русаков в зимний период. У зайцев-беляков зимой лишь кончики ушей остаются темными. Хвост короткий — просто белая пуховка — «цветок». Беляк компактно сложен, во время быстрого бега он напоминает катящейся по снегу белый клубок. А поднятый с лежки он мчится 3-метровыми прыжками (до трех прыжков в секунду). Благодаря широким лапам и густым щеткам волос на ступнях, зайца-беляка легко определить по оставленному им следу — круп-

ному, с несколько растопыренными пальцами.

Заяц-русак — европейский вид. В Омской области в 1953 г. выпустили 50 новосибирских русаков в Саргатский и Горьковский районы и 23 оренбургских русака — в Кормиловский район. А в окрестностях г. Омска в 1960 г. выпустили еще 40 оренбургских зайцев-русаков (Павлов, Корсакова, Лавров, 1974).

Однако к этому времени в южных районах области заяц-русак уже был известен, как вид. Например, в Таврическом районе русаки отмечались не однократно в 1950 г. (Груздев, 1974), в 1952 и 1953 гг. русаков добывали в Черлакском и Русско-Полянском районах Омской области (Лаптев, 1958). Дело в том, что работы по расселению русаков в соседней Новосибирской области, которые были начаты в 1936 г., к 1961 г. были закончены, а с 1952 г. уже открылась на зайцев охота (Павлов, Корсакова, Лавров, 1974). В таких условиях граница ареала двигалась в Омскую область как с востока, так и с запада. Только за период с 1914 по 1974 гг. русаки расселились на 900 км от верховьев Тобола до г. Омска (Груздев, 1974).

Сначала излюбленными охотугодьями у нас была прижелезнодорожная территория Любинского района, где до-

бывали, конечно, и зайцев-беляков. В ноябре 1992 г. мы переместились в Таврический район, где, по сообщениям знакомых охотников, высокой численности достигло поголовье зайцев-русаков. Однако полтора месяца нам сопутствовали неудачи, хотя русаков и их следы мы видели ежедневно. Первого зайца-русака мы добыли в эту же зиму, но в Любинском районе, где более чем за 20-летний период охоты мы не встречали ни одного русака.

Зайца-русака не спутаешь с беляком даже в летнем наряде. Это стройный, высокий на ногах заяц, с ушами более длинными, чем у беляка и более длинным остроконечным хвостом. По узкому следу охотники без особого труда определяют видовую принадлежность зайцев. Зимой русаки омских популяций палево-бежевого цвета с белым брюшком, черным сверху хвостом и темными кончиками ушей. Чем старше заяц, тем окрас у него светлее и волос на спине более волнистый.

В ландшафтно-географическом отношении Любинский и Таврический районы относятся к южной лесостепи Омского Прииртышья. Места обитания зайцев — и беляка, и русака здесь часто совпадают. Лишь на дневку беляк, как правило, ложится в лесу, а русак — на открытой местности или с краю леса. При достаточной глубине снега оба вида зайцев предпочитают делать норы под снегом длиной до 5 м. При плотном насте поднятый с лежки заяц выскакивает через входное отверстие, а при рыхлом снеге — через «крышу». Иногда он уходит от охотника под снегом до 10—20 м. В метель следы и норы зайцев-русаков в поле замечает снегом. И

	Любинский район	Таврический район	Всего
Заяц-беляк	44	3	47
Заяц-русак	49	72	121
Тумак	11	2	13
Всего	104	77	181

бывает полной неожиданностью, когда из-под ног вместе со снопом снега «вылетает» заяц.

В охотсезон 1993—1994 гг. из 30 зайцев, добытых в Любинском районе, русак был только 1, остальные 29 — беляки. Этой же зимой из 20 зайцев, добытых в Таврическом районе, половина были русаки, половина — белые, но не беляки, а тумаки. В те годы тумаки были «белячьей» конституции и в течение всей зимы имели своеобразную окраску в различных вариациях. Общим для них была разреженная темная серебристость по белому фону, черные кончики ушей, голубоватая подпушь и серовато-бурая мордочка. В Таврическом районе некоторые тумаки тех лет основной цвет меха имели не чисто-белый, а со светло-апельсиновым оттенком. К 2000 г. у тумakov здесь исчезла серебристость, а серым осталось лишь опушение внутренних частей ушей и передних ног, подпушь стала белой.

Рассматривая тумakov как межвидовых гибридов зайцев — беляка и русака, мы проследили за изменениями в их цветовых вариациях и в конституции. В первые годы наших наблюдений (1993—1996 гг.) тумаки всевозможных цветовых вариаций имели «белячью» конституцию. В промежутке с 1997 по 2000 гг. тумаки в Любинском и Таврическом районах совсем не попадались, хотя мы добывали в охотсезон не ме-

нее 20—30 зайцев. А в Таврическом районе перестали встречаться и зайцы-беляки. И вот с 2001 г. тумаки снова появились в обоих районах, однако конституция у них стала «русачья» — высоконогие, с узкой лапой и более длинными ушами (чисто белыми, без черных кончиков), с удлиненным белым хвостом. Большинство из них имели серовато-бурую мордочку, а некоторые — светло-апельсиновый оттенок белого наряда. Подпушь у этих тумakov белая.

На фоне южной лесостепи Любинский район имеет заметное количество березово-осиновых массивов и маленьких колков с типичными стадами зайца-беляка. К лесным окраинам с полей и лугов постоянно подкочиваются зайцы-русаки. Появлению тумakov в этих условиях могут способствовать и особенности экологии этих двух видов зайцев. Ведь жировки беляков находятся на полях, а русakov — в березово-осиновых колках, даже в сосновых посадках: явление это здесь обычное. На дневку зайцы близко друг от друга не ложатся. Однако в конце февраля приходилось неоднократно поднимать с лежки беляка и русака, расположившихся в чистом поле в 10—15 м друг от друга.

Несмотря на то, что Таврический район тоже относится к южной лесостепи, в ландшафтном отношении это сплош-

ные поля или залежи, во многих местах разграниченные березовыми, тополиными или кленовыми лесополосами, даже лесополосами из яблони сибирской (дичка). Колки разбросаны далеко друг от друга, лишь изредка встречаются березово-осиновые насаждения крупнее — площадью 3—5 га. И в этих природных биотопах с 1997 по 2000 гг. из зайцев нам встречались только русаки, а с 2001 г. снова обычными стали встречи с тумакami, которых, как и беляков, не было 4 года.

Возникает вопрос — каким путем снова появились белячье-русачьи гибриды? Есть над чем задуматься. Не исключено, что популяция зайцев-русakov в южной лесостепи Омского Прииртышья только морфологически выглядела «чистокровной». А на самом деле часть русakov, может быть даже значительная часть, была уже гибридной и давала белых тумakov уже «русачьей» конституции.

Это, конечно, предположения, которые подтвердить или опровергнуть могут только результаты генетического анализа. Пока нам лишь известно, что зайцы — беляки и русаки обладают одинаковым набором хромосом. Хотелось бы заинтересовать ученых-генетиков проблемой белячье-русачьих гибридов — тумakov. Материал для исследований будет предоставлен в необходимом количестве.

Консультации охотоведа А. Блюма

Ю.И. Бурдуковский из г. Улан-Удэ приобрел новое ружье ИЖ-18МН под патрон 7,62x39 и жалуется, что никак не может его пристрелять. А также спрашивает, из какой стали и каким методом изготовлен ствол этого ружья и какова его живучесть.

Уважаемый Юрий Иванович!

Поскольку ружье модели ИЖ-18МН завоевывает все большую популярность у охотников, а вопросы пристрелки нарезного оружия могут интересовать многих, редакция решила ответить Вам через журнал и рассказать о начальном этапе пристрелки.

Сначала по поводу ствола. ИЖМЕХ нарезные стволы изготавливает из известной отечественной ствольной стали 50А методом холоднойковки. По поводу живучести нарезных стволов этого ружья специалист по рекламациям фирмы «Байкал» В.П. Вальнев сообщил, что для скоростного патрона .223 Remington она составляет не менее 1000 выстрелов, для .308 Winchester — не менее 1500, а для 7,62x39 еще больше.

Теперь о стрельбе и пристрелке. Вы в своем письме не написали, что у Вас не получается: стреляя по мишеням Вы не можете добиться кучности боя, или прицельные приспособления (мушка, целик) не позволяют попадать в мишень на дистанции 100 м?

Если не получается кучность, то виной тому может быть качество либо

ствола, либо патронов. Если Вы не можете попасть в точку прицеливания, то скорее всего прицельная линия не соответствует направлению полета пули.

Что можно Вам порекомендовать? Прежде всего, внимательно осмотрите ствол. Убедитесь, не погнут ли он. К сожалению, и такое встречается. С казенной части ствола (со стороны патронника) загляните в ствол, держа его таким образом, чтобы отверстие дульной части находилось строго посередине коцеа, образованных окончанием патронника и казенным срезом. Если дульное отверстие смещено, значит ствол несколько погнут и точка попадания пули будет смещена в сторону загиба дульной части. Внимательно осмотрите дульный срез. Он должен быть строго перпендикулярным оси канала ствола. Фаска по краю нарезной части (если она имеется) тоже должна быть ровной, без заусенцев и острых углов. Потом возьмите патрон и вставьте его пулю в дуло. В нормальный ствол пуля должна входить только конусной частью, дальше ее не пустят поля (нарезы). Если она под легким нажимом входит в ствол и цилиндрической частью, это говорит о несоответствии диаметров пули и канала ствола. Диаметр канала ствола по внешнему диаметру не должен превышать диаметр пули для Вашего ружья больше чем на 0,07 мм.

Если у Вашего ружья ствол хороший, то причину нужно искать в прицельных

приспособлениях. Попробуйте провести пристрелку следующим образом. Прежде всего я считаю, что новое ружье никогда не следует пристреливать сразу на большую дистанцию. Поставьте щит с мишенью не далее 50 м, мишень должна иметь размер не менее 80x80 см. Сделайте 3 выстрела, каждый раз тщательно и однообразно прицеливаясь в одну и ту же точку. Нормальный ствол при идеальном прицеливании не должен давать разброс на 50 м более 5 см. Результат покажет: во-первых, кучность — т.е. способность ствола к однообразию в попаданиях; во-вторых, соответствие или несоответствие прицельных приспособлений каналу ствола. Если попадания (кучность нормальная) не соответствуют точке прицеливания, то задача стрелка свести прицельные приспособления с точкой попадания. Что конкретно с ними делать я заочно Вам сказать не могу, но, прежде всего, надо провести внимательный внешний осмотр.

Начинать пробу и пристрелку нужно с открытыми прицельными приспособлениями. Следует знать, что нарезные стволы, изготовленные из стали 50А, очень чувствительны к чистке. И после каждой стрельбы нужно тщательно чистить ствол, полностью удаляя с его внутренней поверхности все продукты сгорания пороха и капсюльного состава. Для чистки ствола можно использовать универсальное масло Ballistol.

Рыжий, отрыщ! - II

О. ЕГОРОВ

Люблю охотничье дело — талантливые люди и годами, может быть веками, выработанные приёмы лучшей людской забавы, её традиции, замечательный особый язык, но... время идёт. Я не ловчий Феопен и Рыжий не мамонтовский Строчило, в одиночку бравый волка. Мы охотники конца XX века, и мы обязаны, сохраняя ценнейшее наследие отцов и дедов, развивать и совершенствовать его, отвергая обветшалое (выделено мной — О.Е.).

А.А. Ливеровский.
«Рыжий, отрыщ!».

«Охота и охотничье хозяйство»,
1977, № 2

Фото В. Животченко

Напомню, что речь в статье Ливеровского, у которой я и позаимствовал название, как раз и идёт о том, столь ли уж необходимо для современной гончей такое качество, как «злость к зверю»? Рассмотрев всесторонне этот вопрос, Алексей Алексеевич пришёл к выводу, что «ненужный термин «злость» надо решительно вычеркнуть из традиционной рубрики «Элементы работы гончей» и вообще из гончатной терминологии». Правда, при этом он оговорился, что в своей «статье я позволил себе высказать некоторые соображения по этому поводу, основываясь на более чем пятидесятилетнем опыте работы с гончими и на чтении литературы за этот же срок. Не претендую на безошибочность своих мнений, но считаю, что рассмотреть спорные вопросы обучения гончих своевременно и нужно».

Что изменилось за прошедшие со времени публикации этой статьи 30 лет? У нас что: большинство гончатников стали поголовно любителями охоты на волков с гончими? Или перекалифицировали своих собак на гоньбу по копыту? Или большинство гончатников-северян, набрасывая своих гончих, мечтают о том, чтобы они, не дай бог, не подняли зайца, а подняли бы лису?

Если с волком и копытом всё понятно, то почему же гончатники-северяне так не любят лису? Ответ прост и очевиден даже для начинающего юного гончатника. Потому что на лисе потерять собаку с концами на раз два. Позволю привести ту несложную мудрость, которая сложилась у меня уже после гибели под колёсами поезда моей первой гончей Вопишки (Кстати, занявшей с дипломом второй степени первое место на Ленинградских областных состязаниях 1984 года. Это так, к слову, о сомнениях относительно меня у А. Шарафутдинова и А. Кузьева): «Вырастить и воспитать гончую — 2 года; сделать из неё приличного гонца — 3; сделать её своей собакой — 5 лет; потерять... одна секунда!» И что предпочтёт современный гончатник-северянин?

Не без удовольствия ещё раз процитирую Алексея Алексеевича: «Что нам делать, Рыжий? Я знаю, что ты кровнейшая гончая, потомок двух англо-русских волкогонных стай. Н. Челищев пишет: «Эта порода одинакова хороша как для езды по зайцам, так и по красному зверю: по волкам и лисицам. По последним зверям — нет ей подобных. Из собак этой породы много выдавалось такой злобы, что брали в одиночку волков, и, не задумываясь, лезли как на молодого (прибылого), так и на материка (старого)». Значит, Рыжий, ты должен принимать след и гнать, особенно, если, как говаривали раньше, я тебя «подожгу» — ободрю, натравлю. Конечно, если ты сохранил злобность. Но ведь: «Злобность — врожденное качество гончей, безошибочно указывающее на её кровность». «Злобность заставляет гончую предпочитать красного зверя зайцу, бросает её на след опасного противника — волка; злобность понуждает её не отступать даже от следа медведя» (Пахомов). А. Эмке пишет: «Мне пришлось быть свидетелем, как вылец этой стаи Баян в одиночку гнал волка» и далее: «Журило не знал, что такое «затерять» лисицу, из-под него одного убито несколько волков». Выходит, что каждая настоящая кровная гончая должна гнать волка. Правда, есть и оговорки. Н. Челищев предупреждает, что с одной собакой к волчьему логову «соваться крайне рискованно». В.И. Казанский прямо говорит, что работа гончих допустима только в стае: «Есть немало собак, настолько злобных к зверю, что го-

нят его в одиночку, но это крайне нежелательно, так как такой собаке рано или поздно не сносить головы». Я не знаю, где в нашем районе находятся волчьи логова, куда «рискованно соваться». Знаю, что моя гончая, на гону или в полазе, вполне может туда попасть, и уж во всяком случае, не раз и не два натечёт на свежие волчьи следы. Что она, сохранившая «ценнейшее качество», должна делать? Какие у неё шансы на благополучный исход встречи со зверем, «который может отчаянно защищаться»? Получается, что в каждой хорошей гончей генетически заложено свойство, для неё смертельное, и это свойство является её украшением, признаком кровности, свойством, которое надо беречь и сохранять в потомках. Великая путаница!

Рыжий не член стаи, он у меня один, и на всю его жизнь. Он вырос дома, не на псарне. Милый Рыжий, его любит вся моя семья от бабушки до внуки. Приезжайте ко мне домой. Вам расскажут, как Рыжий совсем маленьким попал в квашню с тестом, был спасён и отмыт, как хозяйка дома, нарушая правила воспитания, тайком брала его на колени, и он засыпал, блаженно урча, и какой он теперь стал большой, хороший и добрый. А я добавлю, расскажу, как ловил Рыжего на горячем гону по курам и домашним уткам и несильно драл за уши, искореняя «злость» по запрещенному зверю, и как греет душу радостная встреча с четвероногим другом, когда придёшь усталый или огорчённый домой. Я наклоняюсь к Рыжему, ощущаю

медовый запах псинки, глажу по голове, чувствую, как он дрожит от нетерпения идти со мной на охоту. Я хочу, чтобы он был жив, здоров и мы долго, долго были бы вместе».

Правда, в отношении лисицы Алексей Алексеевич высказал двойственное мнение, хотя и склонился, в конце концов, к мнению о желательности гона по ней. Ещё раз прошу прощения за длинную цитату.

«Ровная строчка лисицы. С поля в лес. Если Рыжий натечет на этот след в полазе, далеко от меня, его не удержат. Поведёт молча, потом, повизгивая, взлаивая и побудив зверя, зальётся по красному, по горячему. А если Рыжий на поводке? Набрасывать? По логике вещей — нет. Лучше отвести подальше и поискать свежий малик зайца. Почему?»

Прежде всего, это не так страшно — надо дать себе отчет, что охота в этот день на зайца будет окончена. С другой стороны, если компания большая, места уймистые и малознакомые, шансов заползая огненную красавицу ничтожно мало. Ни синицы в руках, ни журавля в небе, да ещё вероятность задержаться с охотой на ночь и даже потерять собаку. Почему?

Не удержать друзей-компаньонов на месте, потянутся за отдаляющимся гонимым и подшумят зверя. Будет он уходить всё дальше и дальше, и гон сойдёт со слуха. К вечеру кому-нибудь из охотников, может быть нескольким, опять удастся услышать, зацепиться за гон. Он будет горячим и по-прежнему ровным. И подозреет кто-нибудь лисицу усталую, грязную, с опущенной мокрой трубой. Собравшись в кучку на дороге или поляне, будут слушать охотники из тёмного, может быть уже ночного, леса несмолкающий гон. Оттрубить попробуют, да разве придёт Рыжий, разве бросит, когда лисица прижата, ищет нору, ходит под собакой, не только на чутье, на слуху — частенько слышно впереди шуршание и бег.

Не простоять длинную и холодную осеннюю ночь под гоном. Придётся идти домой. Ждать, услышать, как среди ночи или под утро заскребётся в дверь измученная собака, и это хорошо. Значит, надоело лисице, понорилась, «освободила» гончую, и та нашла свой временный дом. А может получиться плохо, очень плохо.

Бывает, что наскучит лисе неотвязный гон, нор поблизости не окажется, и пойдёт она ходить по шоссе да по железным дорогам. Сколько добрых гонцов погибло под колёсами машин!

Что же делать? Вернее всего: — Рыжий, отры... Нет! Разом вспомнится, что в крови у моей гончей фоксгаунды — лучшие лисогоны мира, что Рыжий с первых шагов жизни принял за лисицу, предпочитает её зайцу, и не так уж безнадёжно дело. Не одна лисица заплёвана из-под вязких гонцов. Если пойти на охоту одному или с надёжным опытным товарищем, зная место и лазы, быть внимательным и осторож-

ным, можно добыть этого хитрого зверя. А не добыть, так наслушаться гона по красному. Нас, чудаков-гончатников, это не меньше волнует, чем выстрел — не обязателен он.

Ничуть не осуждаю охотников-зайчатников, признаю их резоны, а сам? Отстёгиваю ошейник, даю постоять гончей минуту-другую и по старому обычаю кричу: «Ах-тя! Ах-тя! Ата та! Ата та! Арря!»

Но ведь за время, прошедшее с момента публикации статьи Ливеровского внешние условия для современного гончатника стали ещё жёстче. Один пример. В 70-е—80-е гг. мне довелось довольно-таки много поохотиться с гончими в Лисинском учебно-опытном лесхозе. Посёлок Лисино-Корпус, расположенный почти в центре лесхоза, с внешним миром, т.е. с районным центром Тосно, связывала асфальтированная дорога, по которой днём 1—3 раза в час ходил рейсовый автобус, и в дополнении к нему раз в день по будням проходили другие казённые машины. По другой асфальтированной дороге, выходящей на шоссе Павловск — Вырица, движения вообще не было, т.к. не то что в Лисино-Корпус, но и Павловск — Вырица, никаких рейсовых автобусов не ходило вовсе. В те годы можно было выйти из дворца и, пройдя питомник, набросить собаку в Ижоро-Тосненскую дачу и охотиться прямо вдоль Тосненского шоссе без всякого риска потерять собаку под колёсами машин. Вечерком же, выйдя из глубинки леса, где-нибудь в районе Первого Тосненского кордона (около 6 вёрст до Лисино), на шоссе, по которому идти, естественно, приятнее и легче, чем топтать по просеке (хотя, надо сказать, в те годы лисинские просеки были, что в иных местах хорошие просёлочные дороги); часполтора неспешно идти до дворца и тебя не обгоняла ни одна машина. Что говорить про другие лисинские дороги. Известный гончатник-эксперт Иван Дмитриевич Русинов, долгие годы отработавший лесничим Перинского лесничества, усадьба которого расположена как раз на шоссе Павловск—Вырица, рассказывал, что не то что свободно охотился в пределах этого шоссе, но и своих собак в лесничестве держал на свободе. Были времена, да прошли былинные. И где гарантия для современного гончатника, набросившего собаку где-нибудь в районе деревни Машино, что не пройдёт ушлый заяц полтора-два километра и не выведет гончую прямехонько на Тосненское шоссе, где интенсивность движения транспорта ныне даже и зимой 30—50 машин в час. Это заяц. А что говорить о лисице, хотя бы раз оторвавшейся от гончих на шоссе? А если это лисица набегая? Всё, ищи-свищи гончатник свою собаку.

Я бы не стал поднимать тему о «злости к зверю» у русской гончей (в том числе и о дальнейшей её более узкой специализации, как чистой зайчатницы), да и полемизировать по этому поводу с

А. Шарафутдиновым и А. Кузеевым; если бы этот вопрос, как и раньше, оставался лишь в плоскости досужих разговоров — поболтали-поболтали, да и забыли. Но, глядя на современную практику ведения кинологической работы, на продолжающуюся неразбериху в высших кинологических структурах, тема «злости к зверю» становится не такой уж и безобидной. За разговорами о сохранении этого одного из «самых драгоценных качеств» русской гончей явно просматривается тенденция сделать диплом по лисице пропуском в породу. А это автоматически, чтобы не говорили раздатели за сохранение сего «драгоценного качества», приведёт к появлению в породе русская гончая линий собак, совершенно не гонящих по зайцу-беляку. Нужны ли такие собаки гончатнику-северянину? Смотри выше. Будучи близким знакомым с покойным Алексеем Алексеевичем Ливеровским, я ни капли не сомневаюсь в том приговоре для гончей, который он бы вынес, если его собака гоняла бы только лисицу и совершенно не интересовалась бы зайцем.

Дальновидный Кишенский далеко не случайно оговорился, что пробным камнем для гончей является заяц-беляк, а отнюдь не красный зверь. Николай Павлович был в первую очередь заводчиком гончих. И потому, не смотря на то, что сам выше всего ценил езду с гончими по волкам, отлично понимал, что большинству ружейных гончатников красногону без надобности. Именно поэтому такую распространённость у русских ружейных гончатников XIX века получили польские гончие (волка отнюдь не гонявшие, зато хорошие зайчатницы) и помеси с ними. И, властью рассуждая о «драгоценном качестве», тем не менее, Кишенский смог создать линии русских гончих отлично гонявших зайца, и тем самым смогшим составить достойную конкуренцию не только польским, но и английским гончим. Потому и заслуга его в сохранении отечественной породы гончей собаки неоценима.

Стоит заметить, что и положение с русской псовой борзой в середине XIX века было едва ли лучше. В чём заключается историческая заслуга Мачеварианова в деле сохранения породы русской псовой борзой? Пётр Михайлович сумел создать такие линии русских псовых борзых, которые на равных конкурировали в резвости с английскими борзыми, с горками и крымками. А, следовательно, и вернул интерес к отечественной породе широкой массы русских псовых охотников, не державших комплектов охот и охотившихся в основном на наездку по зайцу, а не по волку. И в чём, в первую голову, обвинили выведенные Мачевариановым линии русских псовых борзых? А всё в том же — в утрате ими «самого драгоценного качества» русской псовой борзой — «злости к волку». Однако вернёмся в наше время. Читаю отчёт С. Матвеева о Северокавказских состязаниях борзых, прошедших 20—22 октября 2007

Флагман

ОТЕЧЕСТВЕННОГО

СОБАКОВОДСТВА

Л.П. САБАНЕЕВ

(1844-1898)

Л.П. Сабанеев (1844—1898)

Среди русских охотоведов Леонид Павлович Сабанеев занимает особое место. Именно этот человек впервые в истории мирового собаководства из разрозненных и отрывочных материалов создал стройную, целостную систему и заложил основы фундаментальной кинологии. Талантливым ученым-естествоиспытателем, блестящим организатором, человеком высокой культуры и кристальной чистоты — такими знала его просвещенная Россия. Вклад ученого в кинологическую науку не оценим. Труды Л.П. Сабанеева в этой области энциклопедичны, объемны и до сих пор являются эталоном высочайшего профессионализма.

Леонид Павлович принадлежал к одному из старейших боярских родов в России, берущему начало в первой половине XV века. Главой этого рода, по фамильным преданиям, был мурза Сабан-Алея, выходец из Золотой Орды, осевший на русских землях во времена Великого князя Московского Василия II (Тёмного). Любовь к земле, рачительность в ведении хозяйства, бескорыстие и врожденная смекалка позволила боярам Сабанеевым занять высокое место при дворе Великого князя московского Ивана III (Васильевича). Усер-

дие Сабанеевых было оценено и вскоре, по именной княжеской грамоте, им были пожалованы лесные угодья и земли в долине небольших рек Песохоти и Уломи. Большинство бояр старой Руси были трудолюбивы; крепко держались за свои вотчины, любили, изучали природу и преклонялись перед ней. Этими чертами характера были наделены все Сабанеевы. В период правления Ивана Грозного и Бориса Годунова значительная часть боярского сословия устремилась в город, на цареву службу, однако Сабанеевы не покинули родовые имения и упорно держались за землю.

Род Сабанеевых за свою многовековую историю неоднократно «пересекался» с известными дворянскими родами князей Ухтомских и Кутузовых, Бородиных и Львовых. Многие из Сабанеевых заняли место в русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Николай Павлович Сабанеев был известным земледельцем, Александр Павлович — профессором Московского университета, Дмитрий Александрович — академиком горного института, Петр Федорович — профессором по кафедре хирургии Новороссийского университета, Евгений Александрович — профессором Академии по истории искусств. Участником Отечественной войны 1812 года был генерал от инфантерии Иван Васильевич Сабанеев, командующий войсками юга России. Этот талантливый генерал входил в окружение императора Александра I, был его другом и любимцем. Все Сабанеевы отличались высоким чувством патриотизма, национальной гордости и преданностью любимому делу.

Леонид Павлович Сабанеев родился 14 декабря 1844 года в городе Ярославле. Первичное образование получил в кадетском корпусе, а по окончании ярославского лицея поступил на кафедру естественных наук Московского университета. В студенческие годы появляется его первая печатная работа «О фауне Ярославской губернии». Окончив университет, Леонид Павлович по заданию Императорского Общества естествоиспытателей отправляется на Урал. За три года работы молодой «кандидат наук» собирает уникальную коллекцию и систематизирует материал по фауне

года. Из 86 выставленных единиц: 77 грейхаундов, 7 русских псовых и 2 хор-тых борзых. Комментарии, как говорить, излишни. Потому не о сохранении «самого драгоценного качества» русской псовой борзой надо думать и говорить, а о том, как повисить её резвость, чтобы она могла достойно конкурировать с английской борзой.

Но у русской псовой борзой хотя бы есть возможность сохраниться в виде декоративной собаки. У русской гончей такой ниши нет. Как порода декоративных собак она никому не нужна. Потому введение диплома по лисице, как диплома, являющегося пропуском в породу, какими бы благими намерениями это не прикрывалось, означает ни много, ни мало, а неизбежную смерть породы русская гончая. Всё дело в том, что у русской гончей как зайчатницы есть прямые конкуренты в лице эстонской гончей, а также начинающей пропагандироваться, по крайней мере, у нас на северо-западе, финской. Гончатникам, ведущим эти породы, нет нужды беспокоиться о сохранении «самого драгоценного качества», т.к. эти породы и есть чистые зайчатницы. Мало того, все усилия по пропаганде этих пород как раз и сосредоточены на том тезисе, что эти породы наиболее удобны именно для городских охотников в современных условиях: по удобству содержания, транспортировке, послушанию, работе в поле. Любое ослабление породы русская гончая, как хорошей зайчатницы, неизбежно приведёт к оттоку большей части гончатников к породам эстонской и финской гончих, т.к. банально повторять, но для большинства современных русских гончатников-северян наибольший интерес представляет именно охота на зайца-беляка. Всё остальное гончатник стреляет попутно. При этом, в виду того, что у современного городского гончатника-северянина его собака действительно является членом семьи, то вопрос её безопасности и меры к повышению этой безопасности становятся для него приоритетными.

Мне могут возразить, что я несколько сгущаю краски, излишне драматизирую ситуацию, бью тревогу по ничтожному поводу и т.д., и т.п. Возможно. Но лучше поговорить о проблеме сейчас, пока не поздно, чем дожиться до того времени, когда у нас на севере на состязаниях гончих из 100 выставленных собак — 5 будут русскими гончими, а остальные эстонскими и финскими. Скажите, не может быть? Тогда покажите мне, на каких состязаниях вы видели русских легавых? Или на каких (естественно, кроме монопородных) состязаниях борзых, прошедших в последнее десятилетие, вы видели преобладание русских псовых? А посему стоит всё же прислушаться к словам Ливеровского, сказанных ещё 30 лет назад, о том, что не нужно держаться за обветшалое и устаревшее. А то, как бы ненароком не остаться нам и вовсе без национальных пород охотничьих собак.

позвоночных Среднего Урала. За пять последующих лет (1870—1875) им написано более 50 работ по различным направлениям зоологии. С 1873 года на собственные средства Сабанеев приступает к изданию журнала «Природа». Среди его авторов — известные всей России имена: Д.И. Менделеев, А.М. Бутлеров, И.М. Сеченов, А.Л. Богданов, В.Н. Столетов.

В 1878 году по инициативе Леонида Павловича журнал «Природа» был объединен с «Журналом Императорского общества охоты». Новое издание вышло под заголовком «Природа и охота», а одной из первых статей журнала была работа Сабанеева «О происхождении маркеловских собак». С этого времени кинология становится главной темой в изысканиях ученого. Однако это не мешало ему в период 1875—1885 годов опубликовать целый ряд работ по ихтиологии, орнитологии и звероводству. Сабанеев был ученым-естествоиспытателем, ученым-практиком, чей труд связан с живой природой, а результат напрямую зависит от эрудиции и энциклопедических знаний предмета. Уникальные зоологические коллекции, собранные ученым за годы странствий, стали украшением Московского академического и Ярославского музеев. Его коллега и друг Д. Н. Анучин, вспоминая о Леониде Павловиче, рассказывал: «...Дом Сабанеева был заполнен всевозможной «движимостью». Живая коллекция занимала все углы большого дома, а от птичьего гомона кружилась голова. Как опытный мастер-дегустатор, он мог по голосу определить любую из сотен птиц, населяющих огромную Россию. Организация и проведение в 1878 году Первой Санкт-Петербургской выставки собак открыло еще одну грань таланта этого человека. Леонид Павлович оказался превосходным администратором и дипломатом. Ему удалось привлечь к организации выставки весь цвет столичного общества, а на рингах смотра наряду с привычными «охотниками» зрители увидели собак «дамского» и «служебного» направления. А описания класса легавых собак, сделанные Сабанеевым на этой выставке, и сегодня могут считаться эталоном судейского профессионализма. Через месяц в журнале «Природа и охота» появилась его статья о технике и методике проведения экспертизы и устройстве выставок в России. За первое двадцатилетие существования «Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» (основано 3 июня 1872 года) Леонид Павлович лично возглавил проведение семнадцати выставок, а на четырнадцать осуществил экспертизу

Герб Сабанеевых

собак различных пород. Именно в этот период его захватила идея создания трактата о собаках.

Работая в специальной государственной комиссии по пересмотру и урегулированию охотничьих промыслов России, Сабанеев встретил влиятельного покровителя в лице Его Императорского Высочества, Великого князя Сергея Михайловича, который не только одобрил идею книги о собаках, но и предоставил в его распоряжение свою библиотеку и личные связи. С 1874 года Сабанеев начинает работу над новой книгой, условно разделив ее на три основных раздела: охотничьи, сторожевые и комнатные собаки. Но уже спустя несколько месяцев ученый приходит к выводу, что объем имеющегося материала вряд ли удастся втиснуть в привычные рамки однотомника. Так, в 1896 году на свет рождается один из томов Сабанеевского труда «Собаки охотничьи... легавые».

Выход книги становится событием в русском охотничьем собаководстве, а ее содержание, по мнению членов ученого совета столичного университета, фундаментальным исследованием в области кинологии. Единодушны в своем заключении и члены редакционной коллегии «Энциклопедического словаря», академики Императорской Академии наук А.О. Ковалевский и А.В. Светлов: «... По полноте исследований труд единственный в своем роде не только в русской, но и в западноевропейской литературе. Даже сегодня труд Сабанеева уникален, неповторим и оригинален. Оставаясь одним из главных теоретиков русской кинологии, Леонид Павлович никогда не занимался практической селекцией, но среди экспонатов его коллекции нашлось место и для четвероногих. В доме хозяйничали два пойнтера, красный сеттер и отличная северная лайка, подарок князя Андрея Ширинского-Шихматова. Чувствуя при-

ближение заката, ученый спешит... Собранный и частично систематизированный материал по борзым и гончим собакам купируется самим автором и обретает форму газетных и журнальных публикаций.

Осень 1897 года была холодной и на редкость дождливой, а привычка Сабанеева даже зимой не носить головной убор стала роковой для ученого. Тяжелая простуда надолго приковывает его к постели. Выдающийся русский терапевт А.А. Остроумов, близко знавший Леонида Павловича, советует другу незамедлительно уехать в Крым для прохождения специального лечебного курса. Однако не таков Сабанеев!

В начале 1898 года охотничья Россия отмечает 25-летний юбилей журнала «Природа и охота» и его бессменного редактора Л.П. Сабанеева. От имени русских кинологов князь Ширинский-Шихматов преподносит юбиляру адрес со словами благодарности и признательности «за долголетнюю, бескорыстную и полезную службу во благо Отечества».

Признанием заслуг Леонида Павловича стало избрание его Действительным членом многочисленных научных обществ, среди которых: «Императорское общество испытателей природы», «Императорское Русское Общество акклиматизации животных и растений», «Императорское Русское географическое общество», «Императорское Общество естествознания». Сабанеев любил жизнь; даже больной, собираясь в Ялту, он не забыл уложить в дорожный чемодан рыболовные принадлежности и мечтал о хорошей рыбалке. Ялтинская эпопея ученого была кратковременна и трагична. 25 марта 1898 года Л.П. Сабанеева не стало. Прах Леонида Павловича захоронен на Аутском кладбище под ветвями старого дуба, неподалеку от моря, среди первозданной природы, которую он так страстно любил и которой был предан до последнего вздоха. История русского собаководства тесно связана с именем Л.П. Сабанеева: его талант и неутомимая энергия способствовали выходу Российской кинологии на мировой уровень. Русские кинологи никогда не забывали своего идеолога и флагмана. На всех выставках Империи в честь Сабанеева устраивались конкурсы, учреждались именные призы, чеканились медали.

... На книжных развалах можно встретить много имен русских кинологов-литераторов, чьи труды по праву составляют золотой фонд отечественного научного собаководства. В этом почетном строю имя Л.П. Сабанеева занимает Первое место.

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства. Просим присылать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

Готовимся к охоте на копытных

В патроне картечь

Ю. КОНСТАНТИНОВ

Поздняя осень — время загонных охот на копытных. Лось, кабан, в меньшем количестве олень и косуля, основные объекты зимних зверовых охот.

Если для сохатого в силу его размеров приемлем только пулевой патрон, то кабана и косулю намного сподручнее стрелять картечью.

Способов и рекомендаций по снаряжению картечных патронов множество, но большая часть из них сводится к «согласованному» снаряжению. Выбор размера картечи не только по объекту охоты, но также и по соответствию диаметру дульного среза ствола, когда ряд (слой) картечин (3—4—5... шт.) плотно укладывается в конце чокового сужения. Чтобы расположить картечь в гильзе ровными рядами один над другим, применяют направляющие из различного материала (спички, скрученные бумажные или коктейльные трубочки и пр.), часто заряд помещается в «стаканчик» из толстой бумаги. Считается, что таким образом согласованная картечь идет более кучно и не происходит расклинивания картечин, что может пагубно сказаться на крутом дульном сужении и вызвать излишне высокое давление пороховых газов. Хотя фирмы, производящие большинство «заводских» патронов, в том числе и зарубежные, «не ломают голову», а, снаряжая патроны, просто засыпают картечь в гильзу, не заботясь, как лягут ряды.

Желающим все же следовать рекомендациям и стрелять согласованной картечью можно посоветовать пользоваться картечью в готовых полиэтиленовых контейнерах.

Некоторые охотники, предпочитают стрелять только точно согласованной картечью не имея картечин нужного размера по чоку своего ружья, указывают несколько большую по диаметру картечь до необходимой величины с помощью двух стальных плит, а чаще пары чугунных сковородок. Ниже приведенная таблица поможет выбрать нужный размер согласованной картечи, учитывая параметры своего ружья (12 кал.) и объект охоты.

По существу, картечным зарядом следует считать «полупулевые» патроны «АЗОТа» «трио» и «комби». (Данные производителя.)

Пуля «Трио» 12 кал.:

Три свинцовых шара ($d=11,5$ мм) в контейнере (в 2-х оболочках)

Общий вес — 33 г

Давление пороховых газов в патроннике: 650—700 бар

Скорость полета пули (V_{10}), м/с: 400—410

Зона поражения на дальности 50 м — круг диаметром 40—45 см

«КОМБИ» (пуля + картечь) 12 кал.:

Пуля калиберная свинцовая «Азот» с полиэтиленовым хвостовиком

Картечь 8,5 мм, 4 шт. в контейнере

Суммарный вес снаряда — 38 г

Давление пороховых газов в патроннике: 650—700 бар

Скорость полета пули (V_{10}), м/с: 400—410

Зона поражения на дальности 50 м — круг диаметром 26—40 см

Характеристики по кучности боя явно завышенные, на практике скорее применимые к 35 метрам, что впрочем окажется более подходящим на охоте, при стрельбе некрупного зверя на ходу. К сожалению редко, но все же бывает, когда не весь заряд отделяется от полиэтиленового контейнера, относится это не только к картечи, но и к калиберной пуле, в этом случае о точном попадании говорить не приходится.

Типовые характеристики картечного патрона «Азот» 12 кал.:

Картечь диаметром 8,5 или 6,2 мм

Вес картечи — 32—34 г

Скорость полета (V_{10}), м/с: 410—420

Кучность на дальности 35 м: 70—85 % (мишень 750 мм)

Отдельно хотелось бы поговорить о применении картечи на охоте. Выстрел по некрупному кабану на ходу пулей, тем более по сеголетку, кажущемуся большим только за счет «пышной» щетины, часто заканчивается промахом или того хуже подранком, тут куда надежнее окажется картечь, способная остановить зверя даже при определенной ошибке в прицеливании.

При охоте с собакой картечный выстрел не всегда может оказаться приемлемым, особенно когда лайка работает «плотно» и есть опасение задеть выстрелом четвероногого помощника, в такой ситуации лучше пользоваться двустолкой и иметь в одном стволе пулю, а в другом картечь.

При стрельбе на засидках, с вышки в темное время суток, предпочтительнее пользоваться крупной картечью, особенно когда нет приспособлений для ночной стрельбы.

Правилами загонных охот разрешено применение только пулевых патронов, за исключением снаряженных круглой пулей, склонной к рикошетам. Картечь запрещена, хотя насколько это обоснованно, трудно сказать. Ведь выстрел по кабану направлен по существу вниз, потеря энергии картечины после встречи с любым препятствием достаточно значительна, да и сильное изменение направления полета картечи носит чисто теоретический характер. Куда опаснее, особенно для загонщиков, пули, выпущенные из нарезного оружия. А результат картечного выстрела, когда кабан несется на номера на махах, поднимая снежную пыль, окажется намного эффективнее любого пулевого. Может быть, стоит внести назревшие изменения в правила загонных охот, разрешив применение картечи, оговорив уменьшение сектора стрельбы по идущему на стрелка зверю, и сняв все ограничения при стрельбе в угон по кабана, перешедшему стрелковую линию. Во многих коллективах, по взаимной договоренности, давно используют на загонных охотах картечь, ведь дробь 4/0 диаметром 5 мм всего на один «шаг» меньше картечи, но считается безопасной, да и на волка, обложенного флажками, картечь приемлема, хотя загонщики порой оказываются очень близко к стрелкам, а номера расположены не по прямой линии. Почему же на копытных введены необоснованные, на мой взгляд, ограничения, ведь безопасность на охоте далеко не всегда зависит от применяемого боеприпаса и ружья, а чаще от того в чьих руках оно находится.

Дульное сужение (мм) (± 0.1 мм)	Величина сужения, мм У ствола диаметром		В ряду 3 шт.	В ряду 4 шт.	В ряду 5 шт.	В ряду 7 шт.
	18.5 мм	18.2 мм	Ориентировочный диаметр согласованной картечи, мм (использовать наиболее близкий диаметр картечи по ГОСТу, в сторону уменьшения).			
17.0	1.5	1.2	7.87	7.03	6.16	5.66
17.2	1.3	1.0	8.04	7.11	6.24	5.73
17.4	1.1	0.8	8.14	7.21	6.30	5.80
17.6	0.9	0.6	8.22	7.30	6.38	5.86
17.8	0.7	0.4	8.32	7.39	6.46	5.93
18.0	0.5	0.2	8.41	7.46	6.52	6.00
18.2	0.3	0.0	8.50	7.52	6.59	6.07
18.4	0.1	—	8.60	7.62	6.67	6.13

Окончание см. на стр. 27

Уважаемые ОХОТНИКИ! Многие из Вас уже знакомы с предлагаемой нами продукцией и приобрели товары минуя розничную сеть, избежав розничных наценок и расходов на поездки. Наша оптовая фирма предлагает приобрести в необходимом Вам количестве импортную одежду, обувь и аксессуары для охоты, рыбалки, туризма. Товары произведены на современном оборудовании, в соответствии с международными стандартами качества и сертифицированы РОСТЕСТ.

Как сделать заказ?

Укажите Ваши **размеры, рост и нужный товар**. Многолетний опыт продаж позволяет нам подобрать соответствующий Вам размер. Укажите свой почтовый индекс, адрес, телефон, фамилию, имя, отчество.

1. Вложите заполненный заказ в конверт и отправьте по адресу: 127486, Москва, а/я 124.

2. Заказы также принимаются по телефонам: 8 (495) 487-31-41, 487-20-83 ежедневно с 9:00 часов до 18:00 часов, 8 (916) 957-01-64 в субботу, воскресенье с 10:00 до 16:00 часов (время московское).

3. Вы можете направить заказ товара по электронной почте: tetra2004@mail.ru

Как оплатить заказ? Цена товаров указана в РУБЛЯХ и включает в себя все затраты по их пересылке, кроме авиатарифа. В удаленные регионы: Камчатская обл., Корякский АО, Магаданская обл., Республика Саха (Якутия), Сахалинская обл., Таймырский АО и др., товар отправляется авиатранспортом, в сумму наложенного платежа, кроме стоимости товара, будет включен авиатариф, при этом мы оплачиваем доставку до точки авиа-отправления.

Вы можете оплатить Ваш заказ двумя способами:

1. Наложный платеж

Вы оплачиваете заказ при получении посылки в Вашем почтовом отделении. За перевод суммы наложенного платежа Вы платите дополнительно местному отделению связи.

2. Предоплата через отделение Сбербанка (более экономичный способ)

Вы можете сделать 100% предоплату за любой товар. Для этого Вам следует заполнить стандартный бланк Сбербанка, аккуратно вписав наши реквизиты: ООО "Тетра", ИНН 7731502873, КПП 773101001, р/с 40702810300000003272 в АКБ "Ланта-Банк" (ЗАО) г. Москва, БИК 044525348, к/с 30101810400000000348, оплатить заказ в любом отделении Сбербанка и отправить заказ и квитанцию об оплате (или копию) в наш адрес. Мы вышлем Вашу покупку ценной посылкой после получения денег. Внимание! Любые требования сотрудников почты о какой-либо оплате при получении посылки оплаченной предварительно незаконны! В подобных случаях обращайтесь к начальнику почтового отделения.

Дополнительные скидки за количество покупок.

При **предварительной оплате** Вашей заявки, имеющей более одного наименования товара (модели), Вы получаете дополнительную скидку в размере 40 рублей на каждую единицу товара указанного в заявке. Например, оформив одну заявку на 3 единицы товара сразу, Вы сможете сделать предоплату на $3 \times 40 = 120$ р меньше. Поступите разумно и сделайте предоплату на 3 и более единиц товара сразу.

Используйте возможность сэкономить, оплачивая покупку предварительно!

Как получить заказ? Мы отправим Ваш заказ почтой, срок доставки обычно составляет от 14 до 30 дней. Вы получаете посылку в своем почтовом отделении. Во избежание недоразумений, рекомендуем Вам вскрывать оплаченную посылку на почте в присутствии ее работников, при отсутствии вложения требуйте составить акт. В случае не получения заказа в течение 30 дней, свяжитесь с нами для выяснения причин.

Гарантийный срок на товары, представленные в каталоге 3 месяца с даты получения.

Вы также вправе в течение 7 дней отказаться от оплаченного товара надлежащего качества, если сохранен его товарный вид и упаковка. В таком случае отправьте товар в наш адрес (ценной посылкой без наложенного платежа) и мы возвратим Вам стоимость товара за исключением наших почтовых расходов.

ВНИМАНИЕ! Цены на рекламируемые товары действительны до 31.12.2008 г. В рекламном предложении ассортимент товаров ограничен, для получения информации о полном ассортименте, пришлите заявку с указанием Вашего адреса, ФИО. Мы вышлем в Ваш адрес полный каталог предлагаемой продукции.

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАКАЗЫВАЙТЕ ТОВАРОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ СМОЖЕТЕ ВЫКУПИТЬ

Уважаемые читатели журнала, нам важно знать Ваше мнение и мы будем признательны, за отзывы о товаре с описанием условий использования. Мы учтем Ваши сообщения и приложим усилия для удовлетворения Ваших персональных пожеланий, путем предложения товаров отвечающих условиям Ваших охот. Ознакомиться с товарами можно на сайте www.HuntLandia.com

КУРТКА 2 В 1 ROVER & LAKES (ГЕРМАНИЯ)

Цена: 2070 р.

Тёплая, длинная куртка (до середины бедра) с подстёжкой. Воротник, манжет и клапан центральной молнии отделаны вельветом. Наружная ткань 100 % хлопок высокой плотности, с несмываемой непромокаемой пропиткой, подкладка - полиэстер. 2 наружных кармана, 1 внутренний на молнии и специальный карман для мобильного телефона или рации.

Подстёжка: тёплый жилет с карманами на молнии, может использоваться для дополнительного утепления куртки, и как самостоятельный предмет гардероба. Утеплитель нового поколения из лавсанового волокна.

Два цвета: Темно-коричневый, темно-зеленый.

Уникальное ценовое предложение!

КЕПКА С ОТВОРОТОМЦена: **590 р.**

Тёплая кепка "Huntlandia" с отворотом. Ткань с мембраной, непромокаемая. Подкладка из флиса, жесткий козырёк. Расцветки: REALTREE "Hardwoods" (лес), MOSSY OAK "Break-Up" (дуб), MossyOak "Duck Blind" (кусты), ADVANTAGE Timber (опавшая листва).

ПЕРЧАТКИ ТЕПЛЫЕЦена: **525 р.**

Перчатки непромокаемые, тёплые с мембраной. Манжет на резинке, с внутренней стороны ладони прорезиненные вставки, внутренний карман на "липучке" для размещения термоэлемента "грелки". Утеплитель Тинсулайт (40 гр) Расцветки: REALTREE "Hardwoods" (лес), ADVANTAGE Timber (опавшая листва), MossyOak "Duck Blind" (кусты)

Варежки "Huntlandia"

Тёплые, с обрезными пальцами, ладонь откидывается и фиксируется на магните, прорезиненные накладки, против скольжения. Расцветка: дуб, лес, кусты.

Цена: **450 р.****Комплет термобелья "Huntlandia", две модели:**

Рубашка с высоким воротом на молнии, или с круглым воротом, на рукавах манжеты с лямкой. Кальсоны с гульфиком, уплотнители на краях. На коленях и задней части двойной слой ткани. Специальные, комфортные, плоские швы, не натирающие кожу. Предназначено для тех, кто занимается физической деятельностью средней интенсивности при холодной погоде. **Ткань:** 100% полиэстер. Внутренний слой - махровая вязка, обеспечивает отвод влаги с поверхности тела, во внешний впитывающий слой: тем самым обеспечивает сохранение тепла и комфорт при носке.

Цена: с воротом на молнии **1550 р.**, с круглым воротом **1490 р.****Футболки "Huntlandia" с длинным или коротким рукавом.**

Удобная и легкая футболка из плотного 100% хлопка высшего качества. Не линяет, не "садится" при стирке.

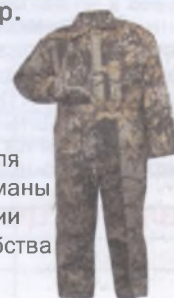
Цена: с коротким рукавом - **490 р.**, с длинным рукавом - **590 р.****КОСТЮМ РЫБОЛОВНЫЙ "ШТОРМ" Цена: 4980 р.****БОТИНКИ ALASKA Цена: 7270 р.**

Непромокаемая мембрана Weather MAX из двух курток и брюк. Верхняя куртка (не утепленная): пароотводящая подкладка, внешние: 2 нагрудных кармана (закрываются клапанами), 2 накладных кармана, 2 боковых кармана на молнии, 2 внутренних кармана, регулируемый капюшон. Манжеты рукавов из неопрена, регулируемые. Вентиляция на молнии подмышками. Утяжка в нижней части куртки. На спине карман с клапаном на липучке. Внутренняя куртка из флиса, на молнии, пароотводящая подкладка, отстегивающиеся рукава, один нагрудный карман на молнии, два боковых, один внутренний, утяжка по низу куртки, вставки из прочной ткани на плечах. Брюки не утепленные, с регулируемыми лямками, высокая поясица, 2 боковых внутренних кармана и 2 накладных, с клапанами на липучках; 2 задних кармана. Молнии в нижней части штанин (до колена, удобно при снятии/одевании) низ штанин регулируется. Водонепроницаемые проклеенные швы. Усиления на местах разрыва, вставки из прочной ткани на местах подверженных истиранию. Ткань: непромокаемая мембрана Weather MAX.

Тёплые, непромокаемые, мембрана «GORE-TEX». Двойная кожа с защитой от механических повреждений "Scotchgard". Нержавеющие крючки, шнурки изготовлены из современных материалов с высокой сопротивляемостью к растягиванию и разрыву. Производитель: «CHIRU-SA Испания».

Комбинезон снайпер.

Тёплый, не шуршащая ткань с хлопком. 2 нагрудных, 2 боковых кармана, 1 задний. Прорези на кнопках для проникновения в карманы брюк поддевки. Молнии внизу штанин для удобства использования. Цена: **1750 р.**

КОСТЮМ "HUNTLANDIA" "ОХОТНИК", ДЕМИСЕЗОННЫЙ**Цена: 7560 р.**

Куртка длинная с капюшоном. Капюшон на молнии с жестким козырьком, регулируется двумя утяжками. 4 нагрудных кармана (закрыты клапанами), 2 внешних широких накладных кармана (с возможностью использования отстегивающегося патронташа), 2 боковых кармана и 2 внутренних кармана на молнии, накладки на плечах против соскальзывания ружейного ремня. Регулировка манжета. Система вентиляции на молнии подмышками. Центральная молния расстегивается снизу и сверху противощормовой клапан. Утяжка на пояс и нижней части. Полукомбинезон на регулируемых лямках (с высокой грудью и спиной) имеет нагрудный; 2 боковых и 2 широких накладных кармана (закрыты клапаном). Молния полукомбинезона расстегивается сверху и снизу. Молния внизу штанины (до колена, для удобства при снятии/одевании), низ штанин регулируется липучкой. Высококачественная фурнитура, обрезиненные кнопки. Водонепроницаемые проклеенные швы, усиления на местах разрыва. Непромокаемая мембрана с высокими показателями пароотводности. Низкий уровень шума при движении. Пароотводящая подкладка (полиэстер). Мембрана и проклеенные швы, гарантируют 100% непромокаемость, пароотводящая (дышащая) подкладка позволяет внутренней одежде оставаться сухой. Новый камуфляж от MossyOak "Duck Blind" идеально маскирует на открытой местности и в лесу.

СВИТЕР "WAGNER" Цена: 3660 р.**КОСТЮМ "HUNTLANDIA" "ТЕПЛЫЙ" Цена: 7950 р.**

Очень тёплый непродуваемый свитер из 100% шерсти, с подкладкой из мембраны «Alutherm». Цвет: зелёный.

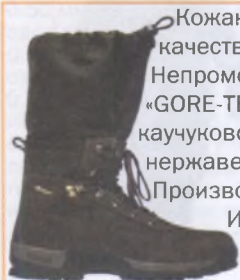
Куртка длинная с капюшоном (на молнии). Капюшон регулируется утяжками, на куртке 2 боковых кармана, в карманах специальное приспособление для манка и рации, 2 накладных (с выкидным, объёмным патронташем), 2 внутренних, дополнительное проветривание подмышками. Полукомбинезон на регулируемых лямках 2 боковых кармана, 2 накладных. Молния расстегивается сверху и снизу. Качественная фурнитура, прорезиненные кнопки. Непромокаемая мембрана с высокими показателями пароотводности, проклеенные швы, усиления на разрывных местах. Утеплитель - лавсановое волокно, долговечный, мягкий, эластичный и лёгкий, обеспечивает свободу движений, что важно при активном отдыхе. Костюм представлен в нескольких расцветках. Трёхмерный (3D) камуфляж мировых марок: REAL TREE, NEXT CAMO, MOSSY OAK. «размывает» силуэт человека на фоне местности, маскируя его, что важно для охотника.

НАУШНИКИ АКТИВНЫЕ MSA SORDIN SUPREME PRO (ШВЕЦИЯ)**Цена: 7880 р.**

"Сордин" - это мировой лидер в области электронной защиты слуха и прекрасное решение для охоты и спортивной стрельбы. При стрельбе Вы не слышите звук выстрела, но прекрасно слышите все, что происходит вокруг Вас. В тире или на стэнде можно разговаривать не снимая наушники. Самые слабые шумы окружающей среды могут усиливаться примерно в 4 раза, что позволяет раньше изгототвиться к выстрелу. Регуляторы громкости расположены удобно и доступно. Батарейки в непромокаемом боксе. Одного комплекта обычных батарей (AAA) хватает на 600 часов работы (входят в комплект). Разъём и шнур для подключения рации. Модель складная. Автоматическое выключение. Гарантия на электронику 5 лет.

БОТИНКИ BEKADA Цена: 5680 р.**КУРТКА "КАРИБУ" Цена: 890 р.**

Кожанная обувь высокого качества от фирмы Chiruca". Непромокаемые с мембраной «GORE-TEX». Подошва Vibram, с каучуковой подстилкой, нержавеющие крючки. Производитель: «CHIRUCA Испания».

Флисовая куртка на молнии, по бокам карманы, воротник стойка, рукава на манжете. Мягкая тёплая ткань очень быстро сохнет, и делает куртку незаменимой при большой физической активности в холодное время года. Может использоваться в качестве верхней одежды и как очень теплая поддевка. Цвет: хаки, бежевый.

Термо-носки VEIHN. Цена: 525 р.

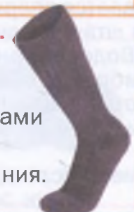
Прекрасно сохраняют тепло и отводят лишнюю влагу. Подходят для использования со всеми видами обуви. Состав: 80% шерсть, 17% полиамид, 3% лайкра.

Цвет: зеленый, темно-серый.

Производитель: Германия.

Термо-гольфы V-70. Цена: 690 р.

Прекрасно сохраняют тепло и отводит лишнюю влагу. Подходят для использования со всеми видами обуви. Состав: 95% шерсть, 5% полиамид. Производитель: Германия.

Термо-носки FANNY VEIHN.

Прекрасно сохраняют тепло и отводят лишнюю влагу. Подходят для использования со всеми видами обуви. Состав: 95% шерсть, 5% полиамид. Производитель:

Германия. Цена: 630 р.

КОСТЮМ "HUNTLANDIA" "3 В 1" ТЁПЛЫЙ, УНИВЕРСАЛЬНЫЙ Цена: 9650 р.

Смотрите описание куртки внешней и полукомбинезона в Костюме "ОХОТНИК". Полукомбинезон на регулируемых лямках с тёплой подстежкой. Дополнительно тёплая куртка- подстежка из непромокаемой мембраны может использоваться отдельно. Высококачественная фурнитура, обрезиненные кнопки. Водонепроницаемые проклеенные швы, усиления на местах разрыва.

Непромокаемая мембрана с высокими показателями пароотводности. Низкий уровень шума при движении.

Мембрана и проклеенные швы, гарантируют 100% непромокаемость, пароотводящая (дышащая) подкладка позволяет внутренней одежде оставаться сухой.

Новые камуфляжные расцветки идеально маскируют на открытой местности и в лесу.

ПОЛИУРЕТАНОВЫЕ САПОГИ "P. ORIGINAL" ТЕПЛЫЕ (ШВЕЦИЯ)

Цена: 2890 р.

На рынке России 6 лет. За это время использовались и в экстремально холодных условиях Чукотки, Белого моря (при - 55 гр. Цельсия) и в средней полосе РФ и зарекомендовали себя с лучшей стороны. Вспененный полиуретан лучший теплоизолятор за счет пузырьков воздуха в полиуретановой массе. Сапоги не нуждаются в специальных стельках и вкладышах, для защиты от холода. Искусственный мех внутри сапога для комфорта, а не для тепла. Отливаемая масса пенополиуретана смешана с антибактериальной добавкой, которая не позволяет развиваться бактериям и плесени внутри сапога. Легче аналогов из ПВХ и резины на 30 % (не устают ноги при длительной ходьбе). Сапоги прочные и используются в течение многих лет (из опыта: от 3 до 7 лет). Цвет: зелёный, чёрный. Размеры: 37-49.

САПОГИ "AIGLE" (ФРАНЦИЯ).

PARCOURS STREAM ISO Цена: 6990 р.

BISON Цена: 4690 р.

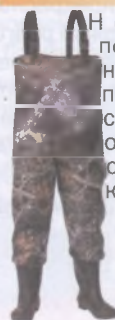

Болотные сапоги из натурального каучука с утеплителем (неопрен 4,5мм.). Специальный ремешок для фиксирования сапога. Цвет: темно - зелёный.

Каучуковый сапог до середины икры. Утеплитель - неопрен 4,5 мм. Самоочищающаяся подошва, за счёт своей особой формы. Цвет: хаки.

ЗАБРОДНИ. Цена: 3790 р.

Непромокаемый, полукомбинезон из неопрена 4,5 мм. с привулканизированными сапогами. Подошва оклеена войлоком против скольжения по льду и камням.

Костюм охотничий PRO HUNT. Цена: 3990 р.

Непромокаемый, демисезонный, мембранный костюм, европейского дизайна. Удлиненная куртка и брюки, подкладка из сетки, 2 внешних нагрудных кармана (закрываются клапанами), 2 внешних накладных кармана, 2 внутренних кармана, съемный регулируемый капюшон. Вентиляция на молнии подмышками. Манжеты рукавов регулируются. Утяжка на поясе и нижней части куртки. Брюки с завышенной поясицей, по бокам резинки, шлёвки под ремень. Усиления на местах разрыва.

Дульные сужения и стрельба пуль

Ю. КОНСТАНТИНОВ

С первым снегом началась самая доступная охота на копытных — загонная. Для большинства охотников коллективная охота единственная возможность добыть лицензионного зверя, поэтому бывает очень обидно, если желанная добыча вышла на номер, стрелял охотник в меру, да и прицелился как будто точно, а лось с кровью пошел по стрелковой линии и стал добычей другого более удачливого и предусмотрительного стрелка.

Почти все охотники применяют на загонных охотах привычные гладкоствольные ружья, в большинстве — отечественного производства и без каких-либо прибамбасов (оптических прицелов, лазерных целеуказателей, сменных дульных насадок и пр.), как правило 12 калибра. И поэтому, отправляясь на ответственную охоту, нужно не ошибиться с пулевым патроном. Безусловно, основное условие удачного выстрела, это пристрелка ружья, помогающая остановиться на нужном боеприпасе, а пристреленную «систему» ружье-патрон еще раз проверить перед охотой. Сейчас девяносто процентов охотников пользуются заводской патронной продукцией, в целом довольно добротной, а некоторые фирмы снаряжают пулевые патроны просто превосходно. Определенные выводы и обобщения, сделанные в ходе проверочной пристрелки фабричными пулевыми патронами 12 калибра, надеюсь помогут сезонному охотнику не только патроны, но и время для проверки боя (пристрелки) своего ружья пулями.

Технические характеристики, по которым подбирались ружья для пристрелки: первая группа с диаметром ствола 18.2 мм (основной калибр ИЖей), вторая — 18.5 мм (сверловка ружей ТО3а). В каждой группе присутствовали ружья со следующими дульными сужениями (д.с.): 0.00—0.25 мм (цилиндр), 0.50 мм (получок), 0.75 мм (чок) и 1.00—1.25 мм (усиленный чок). В какой-то мере на бой ружья влияет не только абсолютная величина сужения, но и сама конструкция (форма) чока, но почти у всех отечественных ружей устройства дульных сужений одинаковы и в первую очередь можно рассматривать только влияние величины чока на бой ружья пуль.

Использовались ружья (сверловка 18.2 мм) ИЖ-18 д.с. 0.25 мм, ИЖ-27 д.с. 0.50 мм и 0.75 мм, ИЖ-39 д.с. 1.00 мм; сверловка 18.5 мм — МЦ21-12 д.с. 0.00 мм, укороченный ствол 71 см, МЦ6 охотничий вариант, д.с. 0.50 мм и 0.75 мм, МЦ21-12 д.с. 0.80 мм (приравнен к 0.75 мм), МЦ108 д.с. 1.25 мм. Стрельба велась с упора на 50 метров, сериями по 5 патронов на ствол каждого вида пуль, количество скорее всего недостаточное для окончательных выводов, но полученные данные весьма любопытны и будут интересны для думающего охотника.

Начало см. на стр. 22.

Применялись заводские патроны: «Рекорд», «Азот», «Сафари», «Главпатрон», «Позис», «СМК» и кустарные, снаряженные пулями: «Стрела», «Вятка», «Майера», «Полева», «Бреннеке», «Гуланди», «Позис», «Удар», «В&P»... — калиберными и подкалиберными.

Конечно, можно было бы использовать только два ружья со сверловками 18.2 мм и 18.5 мм и сменными дульными насадками (от 0.00 мм до 1.25 мм), но посчитали, что некоторое разнообразие оружия позволит полнее осветить и обобщить влияние сверловки ствола и чоковых сужений на точность боя пулевыми патронами, как калиберной пулей, так и подкалиберной.

Далее будут приводиться усредненные данные стрельбы, без указания конкретной марки патрона или пули (отсутствие какой-либо попытки рекламы), касающиеся только диаметра ствола, дульного сужения, а все пули будут разделены на калиберные и подкалиберные. Хочу также заметить, что далеко не каждый патрон подтвердил высокие характеристики изготовителя. Лишнее напоминание охотникам: не стоит пытаться добиваться тех сверхвысоких, а скорее завышенных показателей, указанных в характеристиках патрона.

Данные проб показывают, что у ружей со строгой сверловкой (18.2 мм) кучнее ложатся пули при дульных сужениях до 0.25 мм — калиберные, а подкалиберные бьют точнее из чоков — 0.75 мм, разумнее в двустволках с традиционной сверловкой получок/чок в левый (верхний) ствол заряжать патрон с подкалиберной пулей.

При более свободной сверловке (18.5 мм) подкалиберная пуля по точности сравнивается с калиберной только тогда, когда д.с. доходит до 0.75 мм, и уже значительно точнее бьет при чоках 1.00 мм и более, а пока д.с. менее 0.5 мм — калиберная пуля предпочтительнее.

Как не странно, но рекомендуемый для стрельбы пулями цилиндр не показал ожидаемой точности выстрела, особенно при сверловке 18.5 мм, видимо

из-за относительно свободного прохождения пули по каналу ствола. В ружьях с маленькими д.с., на мой взгляд, лучше применять более быстрогорящий порох или капсулированный порох, ну и конечно только лучшие пыжи и прокладку-обтюратор на порох.

Видимо, при слабых д.с. калиберная пуля плохо центруется, к тому же возможно неполное сгорание пороха до конца ствола, что отрицательно сказывается на точности выстрела, то же можно сказать и о подкалиберной. Предположительно, кроме этого, малые чоки не способствуют быстрому отделению контейнера от подкалиберной пули, что тоже может повлечь ее отклонение. Крутые чоки, деформируя калиберную пулю и «впрессовывая» контейнер в тело подкалиберной, тоже влияют на процент «диких» выстрелов.

С другой стороны, можно напомнить, что если на 50 метров пули ложатся в круг диаметром 30 см, то для охоты на лось такая кучность вполне приемлема, а в 20 см даже и для среднего кабана достаточны, и стоит ли продолжать «мучить» ружье, добиваясь снайперской точности.

В виде дополнительной информации можно сообщить, что останавливающая сила пули 12 калибра (35 г), площадь которой в четыре раза больше сечения 9-миллиметровой пули нарезного патрона, на дистанции 100 м практически не уступает останавливающему действию нарезного ружья этого калибра, а на 50 м значительно превосходит его. Это учитывают серьезные производители пулевых патронов к гладкоствольному оружию, а охотнику нужно внимательно придерживаться рекомендаций по применению той или иной пули и советам опытных стрелков.

В заключение хочется поблагодарить руководителя ООО «Диана», страстного охотника Сергея Арсеева за предоставленные боеприпасы и мастера спорта международного класса Александра Разумова за активнейшее участие в пристрелке и испытании патронов.

Таблица 1

УСРЕДНЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАССЕИВАНИЯ ПУЛЬ НА 50 М (В СМ)

Вид пули	калиберная	подкалиберная	подкалиберная	калиберная
Диаметр ствола	18.2 мм		18.5 мм	
Дульные сужения	кучность боя		кучность боя	
Д.с. 0.00—0.25 мм	17 см	20 см	23 см	21 см
Д.с. 0.50 мм	18 см	19 см	18 см	16 см
Д.с. 0.75 мм	21 см	14 см	18 см	19 см
Д.с. 1.00—1.25 мм	29 см	21 см	16 см	25 см

Таблица 2

ПРОЦЕНТ «ДИКИХ» ВЫСТРЕЛОВ, КОГДА ТОЧКА ПОПАДАНИЯ ПУЛИ ОТКЛОНЯЕТСЯ НА 50% И БОЛЕЕ ОТ УСРЕДНЕННЫХ ДАННЫХ

Дульные сужения (д.с.)	0.00—0.25 мм	0.50 мм	0.75 мм	1.00 мм и более
Калиберные пули	3%	менее 2%	3.5%	4.5%
Подкалиберные пули	4%	4%	1.5%	3.5%

С первым снегом

День играл красками поздней осени и казалось, бабье лето так и будет нежиться в лучах все еще яркого солнца. Ничто не предвещало перемены погоды, лишь случайно поднятый и замелькавший среди деревьев белым комом заяц упрямо напомнил, что в тайге предзимье.

К вечеру погода резко изменилась: подул холодный ветер, с запада, обволакивая небосвод свинцовым одеялом, поползли тучи. Стенело почти мгновенно, и по палатке ударили первые капли дождя. Ночью барабанная дробь сменилась тихим шелестом опускающихся снежинок, которые поначалу таяли, касаясь мокрой земли и пропитанных влагой деревьев, но с каждым последующим часом они ложились все увереннее. Перестав таять, снежинки стали, цепляясь, как паутина, оседать на стволах и ветвях деревьев, кустах и траве, создавая причудливые контуры и кружева.

К утру прояснило. Взошедшее солнце, играя новым убранством и морозным воздухом, как осветитель во втором акте пьесы, поменяло желто-коричневые краски на сернево-бело-голубые. Словно по команде невидимого дирижера лес обретает новые звуки и новое содержание. У дороги перебегают, суетятся, кормятся прилетевшие с севера пуночки. Поползень не улетает, но с утра уже занят поиском пропитания, ловко передвигаясь по стволам деревьев.

Но главное, со снегом тайга оживает, наполняется людским присутствием. Вот тишину застывшего в ожидании леса взрывает задиристый лай собаки. Гулким раскатистым эхом вторит ему выстрел. Белка, еще недавно сновавшая на виду, становится сторожкой, все чаще затаивается, скрывшись на вершине ели или кедра. Чего говорить о соболе. Уж он-то поводит промысловика, заставит в полной мере ощутить все тяготы таежного быта, но нет и большего вознаграждения за нелегкий труд, чем удачная охота!

А. САВЧЕНКО,
фото автора

Вчерашний день

Было так тихо, что шорох резиновых лодочных боков ударил по ушам и сладким предчувствием охоты пробежал по спине. Положив в «Омегу» ружье и патроны, я осторожно, стараясь не плеснуть водой, на животе заполз в лодку, уселся на надувное сидение, с усилием стянул блестящие в свете звезд сапоги. Свернул их и засунул в специально для этого приготовленный мешок. Я жалел свою лодку и не хотел давить ее каблуками. Ноги в носках ощутили холод настывшей резины днища. Подтягиваясь руками за стебли, я просунул последний метр зарослей и выбрался на чистоводье.

И сразу увидел туман и уток. Блеклая пелена над водой неожиданно оказалась прозрачной — ее осветили первые признаки зари, — и внизу темной гряды тростников противоположного берега я увидел вереницу плывущих птиц. До них было совсем недалеко. Утки длинной цепочкой с одинаковыми интервалами бесшумно смещались вправо в светлеющих струях тумана, поднимавшихся от воды вверх. Было что-то завораживающе нереальное в этом предутреннем видении, в колдовской тишине полевого ставка, и я не сразу очнулся от гипноза. Но охота открылась несколько часов назад, в полночь, — а я был охотником.

Нащупав тяжелый кожаный брусок двухрядного патронташа, я откинул его мягкую крышку и вытащил два скользких увесистых патрона. Стараясь не уронить их на холодное сырое дно лодки, переломил ружье и зарядил его. Цепочка уток сместилась вправо — птицы плыли в сторону вершины ставка. Они не взлетали, но это было объяснимо: в этом сезоне по ним еще не стреляли, утки были не пуганы. Конечно, выстрел по скоплению птиц на воде с расстояния тридцати шагов не может считаться спортивным, но благородная богиня охоты Диана меня простит... может быть.

Я выстрелил и раз, и другой, целя уже довольно хорошо видимой мушкой в темные утиные силуэты под основанием тростниковой стены. Дуплет страшным грохотом ударил по тишине сонного ставка, раскатистым гулом прокатился по водной глади и погас в вершине. В камышах пронзительно пискнули болотные птицы, неподалеку замахала широкими крыльями цапля и растаяла в тумане. Утки и после выстрела не взлетели, а бросились к спасительным камышам и вмиг исчезли. Но там, воз-

ле зарослей противоположного берега плескалась крыльями моя добыча.

Взявшись за весла, я пересек плесо и скоро увидел на воде два темных бугорка — один еще слегка вздрагивал, от него по водной глади шли мелкие концентрические волны. Подплыл ближе, поднял одну птицу за крыло и понял, что это лысуха. Слегка разочарованный, кинул обеих остроклювок в лодку. Больше вокруг ничего видно не было, и это добавило разочарования. Так надеялся начать охоту с неожиданной удачи, с выстрелов наверняка по кряковым уткам — и на тебе... Да и дуплет по стае лысух на воде мог бы во всяком случае принести больше трофеев. Скорее всего птицы плыли именно цепочкой, а не кучей, и дробь не принесла стае значительного урона.

Я вернулся к «своему» берегу, решив замаскироваться в камышах лицом к восходу. Проплыл вдоль камышей в сторону вершины ставка и, выбрав небольшой мысок рогоза, забрался в него на лодке сбоку, чтобы не портить маскировку. Высота мягких густых стеблей была как раз такой, чтобы обеспечивать из положения сидя хороший обзор и стрельбу.

В отдалении уже постукивали нечастые выстрелы, но меня радовало, что на моем ставке стояла тишина. Туман заметно редел, поднимался над водой призрачными струями, копился над камышами тающим облаком. Я чутко вслушивался в наступающее утро, всматривался в мираж тумана над зарослями, но первую утку все-таки прозевал. Глянул влево, и в этот самый миг из-за правой стенки тростника, со стороны вершины, с шипящим свистом вылетел стремительный красноголовик. Слово пущенный катапультий снаряд с оперением из коротких сильных крыльев, вибрирующих почти незаметно глазу, он пронесся у меня над головой и почти растаял в тумане, когда я вскинул ружье и хотел послать нырку вслед выстрел навскидку. Но почему-то сдержался и только горячо прошептал вслед исчезнувшей птице: «Ладно, ничего, ничего, сейчас...»

Наверное, я правильно сделал, что не выстрелил, потому что несколько секунд спустя под тенью противоположного берега опять увидел цепочку плывущих птиц. Немного поколебался — стрелять или нет, потому что лысухи (а это скорее всего опять они) были не столь желанной добычей, как утки, — и все таки послал дуплет по неблизким силуэтам. Попал или нет почти не было видно, и я скоренько выгреб из своего укрытия и опять пересек ставок, сознавая, что с веслами в руках в такие до- рогие для охоты предрассветные мину-

ты могу потерять больше, чем приобрести. Но принцип «что в лодке — то уже точно есть» заставил меня налечь на весла. Битыми снова оказалась пара лысух, я бросил их в лодку, отряхнув от воды, и поспешил вернуться в свою засидку.

Четыре остроклювые птицы в пепельно-черном оперении лежали у меня в лодке, и я знал, что смогу без особого труда увеличить их число, для этого надо было тихонько двигаться вдоль камыша за стайкой и заметив, где лысухи заплывли в заросли, — затаяться неподалеку. Пройдет немного времени и глупые птицы начнут потихоньку выплывать из своего убежища на чистое. Но подобную охоту я всегда откладывал напоследок, на позднее утро, и то — если утренняя не приносила весомой добычи в виде кряковых и чирков. И еще я подумал, что пока не слышал ни одного взлета уток со ставка. Может, их не было тут вообще?! Возможно, этот водоем — не «ночной», а «дневной» для утиног племени? Тогда где же птицы, которые должны прилететь на него утром?.. Я мог только гадать об этом.

Загорелась заря. Испугавшись ее алого света, растаял туман. И позтому пару уток, выгнувших дугой упругие крылья и заходивших на ставок по широкой дуге, я заметил издали. Как красив их разворот со снижением, с приглушенным реактивным звуком рулевых перьев, как совершенны веретеноподобные тела с напряженно вытянутыми шеями! Я пригнулся и наблюдал за стремительно скользящими в воздухе птицами.

Они проскочили вершину ставка, начали, заплескав крыльями, забирать выше и пошли на второй круг. В это время по ним из зарослей, обрамлявших вершину ставка, ударил оглушительный выстрел. Я хорошо видел, что выстрел был с запозданием, какой-то торопливый, спешный и — откуда-то из глубины камышового разлива. Казалось, что кто-то, опоздавший на утреннюю зарю, теперь пробирался к воде через широкую полосу тростника, прозевал уток и глупо, отчаянно выпалил вслед неожиданно пролетевшей над головой паре. Почему я не занял еще потемну этот уютный заливчик, которым заканчивался ставок? Ведь это наверняка самое удачное место... У меня было столько времени это сделать! А теперь я, возможно, буду с расстояния двух сотен метров наблюдать чужую охоту...

Однако обстрелянные утки не улетели прочь, а, поднявшись немного выше и облетев вершину ставка стороной, вышли опять к воде и потянули середину в мою сторону. У меня было время приготовить еще. Утки налетали быстро и

Окончание. Начало см. в № 9, 2008

ровно, словно по нитке, справа, на высоте не более двадцати метров, и стрелять можно было прямо перед собой, прямо на голубом фоне утреннего неба.

Я выстрелил по птице, которая шла чуть ниже, и, не глядя на нее, перебросил мушку своей вертикалки на корпус впереди верхней крышки и нажал второй спуск. Она начала падать кувырком, словно убитая палкой, и в это время вода ниже ее взорвалась фонтаном — это упала первая птица. Через секунду рядом полетели вверх брызги от еще одного всплеска.

Это был отличный дуплет. Не то чтобы на грани возможного, не виртуозная стрельба по бекасам или чиркам, но все же сбить двумя выстрелами пару пролетающих мимо уток удается не всегда. С подъема — другое дело, а вот пролетных — не слишком часто. И не всегда чисто. Так, чтобы после грома выстрелов и шумного каскада брызг на воде недвижимо покачивались два холмика. А тогда получилось именно так. Так, как надо. Я сделал это. Я молодец. И ружье у меня — отличное ружье, ижевский бокфлинт двенадцатого калибра. Бой у него очень хорош. Только попадай — а он уж делает свое дело. Вот тому пример — две прекрасные кряковые биты напавал и плавают без движения на середине плеса. Я даже не буду спешить их подбирать — куда не денутся. И тот конкурент в вершине ставка, наверное, все видел. Пусть завидует. Я заслужил это. Вот как — летели две утки над озером — бах-бах! — и нет никого в небе. Совсем неплохо. Особенно для начала.

Тут я заметил слева какое-то движение, мельтешение, свист и, резко рванув головой в ту сторону, увидел летящую над водой четверку уток, коротких крыльями и плотных телом. Они уже почти поравнялись со мной, когда я вскинул ружье и выпалил прямо перед стайкой, кинув убийственный сноп «семерки» поперек их полета. Я не мог промахнуться — слишком простой и на этот раз был выстрел. Две утки стремительными каплями пошли вниз, с грохотом ударившись о воду, я немного отвлекся на них, а потом, догоняя стволами улетающую вправо пару, послал ей вслед безрезультатный выстрел.

Вот теперь было точно совсем неплохо. На восемь патронов — восемь птиц. Пусть четыре из них взяты не влёт, и был один промах, но как бы там ни было — стрелял я очень удачно.

Совсем рассвело, далекие выстрелы, участвовавшие было, стали редеть и превратились в одиночные хлопки. Сосед справа снова выстрелил раз, другой, по ком — я не увидел. Прошло несколько секунд, и со стороны вершины в мою сторону с резким снижением и разворотом полетел красноголовик. Я изготавился, но птица, закончив дугу над самой водой, с сильным плеском приземлилась на воду. Точнее, она просто упала. Отчетливо было видно, как утка, слабо трепыхнувшись, замерла безжизненным бугорком на поверхности метрах в ста от меня. Интересно — видел

ли сосед результат своей стрельбы? В вершине никакого движения не наблюдалось. Поехать забрать птицу? Неловко. Скажет — чего не свое хапаешь? А если возьмет да уедет, не ведая, что сбил утку, — пропадет ведь птица напрасно. Ветерок поднимается, загонит трофей куда-нибудь в камыши — вдруг потом не найдешь? От соседа упавший красноголовик примерно на таком же расстоянии, как и от меня. Может, у стрелка того и лодки нет? Стоит себе в камышах, в болотниках, да постреливает. В таком случае ему утку не достать, да скорее всего он и не видел ее падения. Подожду еще, потом надо поехать да подобрать — чего пропадать птице? А вообще... чего ждать? — ясно, что сосед скорее всего без лодки — иначе выплыл бы уже за добычей.

Еще раз оглядев полевой простор, посреди которого голубой каплей, если смотреть с небес, светился в поднимающемся солнце ставок, я взялся за резиновые рукоятки весел и сильными гребками, выбрасывая из воды комки колющего куширя, вытолкнул лодку на чистую воду. Но успел сделать лишь несколько гребков по направлению к еле видной глазом темной точке на поверхности, как из обрамлявшей верши-

ну ставка зеленой стены выплыла лодка. Движения человека в ней были скоры, почти суетливы. Он сразу развернулся спиной в мою сторону, чтобы грести быстрее, но сам оглядывался на меня через плечо. Мне стало неловко за свою попытку завладеть чужой добычей. Ведь со стороны соседа это выглядело именно так.

Я помахал ему рукой и повернул обратно, но не слишком резко, а стал забираться влево и скоро подобрал своих плавающих в мелких утренних волнах уток — двух красноголовиков и двух кряковых. Они очень украсили мою прежнюю пепельно-черную добычу. С оперения птиц на дно лодки стекали крупным бисером прозрачные капли воды. В углублении возле сиденья эта вода скапливалась в маленькую лужицу и становилась розовой от крови.

Потом я промазал по одиночной кряковой утке, невесть откуда появившейся прямо передо мной. Я увидел птицу в тот момент, когда она, как мне показалось, собиралась сесть на воду напротив моей засидки — выгнув крылья, крякуха планировала на воду, поводя носатой головой влево-вправо, словно выбирая место, где присесть.

Я подумал, что она ни за что не сядет:

вот-вот увидит меня за просвечивающей стенкой зеленых камышовых стеблей, заплещет крыльями и рванет вверх и в сторону, — и, торопливо поймав прицельной планкой утиный силуэт, выстрелил. Я послал заряд прямо в птицу, но так как она в этот момент снижалась, дробь, конечно, прошла выше, не задев ее. Кряковая, выравнивая полет, полетела прямо на меня, я опять заторможенно выцелил мушкой ее близкий корпус, не осознавая, что утка теперь поднимается вверх, и пустил выстрел в небо. Снаряд дробы кулаком прошел совсем рядом с птицей, она в развороте над моей головой прошипела пером и исчезла за камышом.

Это был очень досадный промах. Утка практически была у меня в руках, настолько простой выстрел мне представлялся.

Я глянул в сторону соседа — видел ли он все? Вершина безмолвствовала — будто там и не было никого. Господи, невероятный промах! Как можно было промахнуться в такую близкую и небьющую цель? Совершенно бездарный выстрел. Достойный лишь новичка. А тогда, в тот далекий вчерашний день, я уже не был новичком. Я добыл к тому времени не один десяток уток и среди них были взятые на предельных дистанциях, в почти полной темноте и летящие со страшной скоростью. Было немало великолепных выстрелов. И вдруг такой промах. Просто безобразный. Я горел от досады и страшно хотел, чтобы ситуация с этой глупой кряковой, пожевавшей сесть на воду напротив моего скрадка, повторилась. Чтобы я мог уве-

ренно, с первого выстрела сбить птицу и, спокойно выбросив гильзу из ружья, по-деловому продуть ствол, поглядев через него на небо.

Я знал, что невозможно раз за разом стрелять без промаха: правильно брать упреждение, не останавливать движения ружья и по возможности плавно нажимать на спуск. Когда-нибудь все равно ошибешься. Особенно в ситуации, когда птица идет по дуге. Она летит в воздухе по кривой траектории, а движения твоего ружья прямолинейны, и, даже если тебе удастся следовать стволами за целью после того, как дробь покинет ствол, она дальше летит прямо, а не по кривой и скорее всего минует цель. Единственный верный способ стрельбы птицы, которая летит по кривой, поворачивает, — это мгновенный выстрел в ту точку, где окажется птица в следующую секунду, но точка эта из-за кривизны траектории совсем не перед ней, а впереди и сбоку. Особенно это заметно, когда расстояние до цели велико. Можно сказать, что если искусство стрельбы по движущейся цели заключается в способности заставить себя стрелять в пустое место впереди летящей птицы, то для того чтобы попасть в утку, летящую с большой скоростью по дуге, надо стрелять еще и несколько в сторону — туда, куда отворачивает птица. Возможно, это один из самых сложных выстрелов.

Я думал о своем промахе, он портил в целом удачную охоту, ложкой дегтя растекался внутри, а прошуршавшие над головой утиные крылья вновь и вновь возвращались и царапали спину

неприятным холодком.

Но я реабилитировался в своих глазах и, может быть, в глазах соседа, сбив налетевшую сзади кряковую. Возможно, это была та самая утка — кто знает? Она летела высокомерно для уверенного выстрела — в то утро я ни разу не стрелял дальше тридцати метров, и это меня устраивало, — и я увидел ее в тот момент, когда птица уже пролетела. Она появилась сверху, трепеща освещенными солнцем крыльями, и стрелять надо было мгновенно — или вообще не стрелять, потому что утка через секунду была бы над противоположной стенкой камыша. Не успев ничего подумать, я вскинул ружье стволами почти вертикально, чуть опрокинувшись на спину, и поймал мушкой пустоту под утиным силуэтом.

Выстрел ударил кряковую снизу, под брюхо, чуть в угон. Она вдруг замерла в воздухе, словно пораженная током, и, распластав крылья, даже не завалившись вбок, крестом стала опускаться вниз по спирали. На воду она не упала, а как бы легла — всплеска почти не было.

Радостно бормоча похвалы в свой адрес, я выгнал лодку из уже порядочно помятого куста и подобрал добычу. Это была большая матерая кряква, по чистому серо-коричневому рябому оперению ее стекали капли воды, сверкавшие на солнце.

Других добытых уток в тот день я не помню. Хотя они, наверное, были. Тогда, в те далекие, но странно близкие, благодаря услужливой памяти, дни дичи на степных ставках водилось немало. И,

самое главное, я это хорошо помню — дичь была на виду. Подъехав к какому-нибудь водоему — колхозному ли пруду, речной заманушке с ковром ряски или просто залитой водой мелиоративной канаве с густой гривой рогоза, — обязательно услышишь отрывистые крики курочек-камышниц, лысух или сытое кряканье кряковых, увидишь желанные силуэты в зарослях. На зорях — обязательные перелеты утиных стаяк, с

воды — на усеянные оброненным во время уборки зерном поля, с них — на открытые в камыше плеса.

А сколько летело птиц осенью, начиная с середины октября, в небе! На большой высоте, словно нити паутины, шли развернутыми строями огромные косяки уток, крики гусей можно было слышать с перерывами весь день. Охоты на убранных кукурузных полях были богатыми и веселыми, причем на одно и то же поле ездили несколько дней с неперменным успехом — часто до тех пор, пока поле не запахивали трактора.

Удивительная для меня теперь птица — просянка, похожая одновременно и на кулика, и на чайку, летела в августе стаями в тысячи птиц, широкой лентой от горизонта до горизонта. Глупцы, мы тогда воспринимали это как обычное явление и, когда удавалось оказаться на пути перелета этой птички, телом не больше скворца, палили из ружей, а потом готовили из просянок вкусную похлебку. Мы думать не думали, что птицы, летящие в таком количестве, могут просто исчезнуть. Наши ружья не могли добыть и тысячной части пролетавших над нами в те дни огромных стай просянок.

А сколько было в полях чибисов? Охотились и на них — все же это довольно крупный кулик, но никогда — специально. Сотенные стаи чубатых крикливых птиц перелетали за работающими в полях тракторами, иногда налетали или подпускали на выстрел, и тогда удавалось разнообразить добычу нарядами головастыми короткоклювыми куликами, одетыми словно в белую рубашку с фраком.

В лесополосах водились во множестве дрозды, многочисленные полевые и одиночки — черные. Мы, в то время пацаны, со своими первыми одностволками, теперь смешно вспоминать, не знали, что это были за птицы, не знал и отец, бывший, конечно, для нас авторитетом в вопросах охоты. Он почему-то называл дроздов «канадскими воробьями», и мы тоже именно так полевых дроздов называли...

Что я совершенно отчетливо помню — в те прошлые годы, в августе, в полях охотничьему сердцу было очень весело. Несмотря на жару, везде, где была растительность, была и разнообразная живность. Кроме охотничьих птиц — тучи воробьев и скворцов, множество орущих в посадках сорок и соек. В камышах, не переставая, кричали камышанки, над посевами свеклы летали и сидели зоркие охотники-сорокопуты. Жаворонки, трясогузки и прочая мелкотня сновали повсюду. Над колхозными фермами, токами и полевыми станами хороводили стаи домашних голубей...

А потом... быстро все это либо сократилось, либо вовсе исчезло. Мы не заметили, как прошли три десятилетия, и за это время выросли наши дети, а мы стали седыми и как-то спокойно надели очки... И через эти очки вдруг увидели: то, что радовало сердце и казалось веч-

ным, — пропало... Осознание страшного контраста произошло недавно — всего-то два-три года назад. Оказалось, что пока я бродил и плавал по Азовским плавням, отставив на второй план охоту в своих родных полях, — поля эти сильно изменились. Нет, они не исчезли, нигде не пропали, и знакомые до боли камышовые балки и памятные опушки акациевых посадок так же находятся на своих местах. Но вот дикое, беззаботное население этих полей, радовавшее прежде сердце одним своим присутствием, — оно сильно сократилось.

Не стало просянки — редко кто уже и помнит эту многочисленную когда-то птицу. Выросло поколение охотников, даже не слышавших о ней. Просянки в наших полях не стало меньше — ее просто не стало совсем. Я не знаю причины этого.

Диких голубей стало не в пример меньше, и главное — почти исчезла обыкновенная горлица, фоновая птица кубанских полей. Теперь можно с большим успехом поохотиться на горлицу кольчатую, и все же она не может заменить обычную раньше быстроскрылую птичку с сиреневато-голубым оперением.

Скворцы стали очень редки, скворцы! Где их черные тучи, укрывавшие осенью огороды сплошным покрывалом? Куда улетели и почему не вернулись? Да что там скворцы — воробьев совсем не то уж количество! Раньше — беда для черешни, теперь — мало кто на них и внимания обращает...

Где сотенные стаи чибисов? За всю весну и лето увидишь или услышишь пару-другую певучих птиц — и все...

Господи, в лесополосах толком сорок да соек не осталось! Прежде идешь вдоль посадки в надежде выгнать под выстрел зайца, — а сороки так и виснут на ветках, трещат без умолку! Сойки зорко наблюдают, и чуть плохо спрятал добычу, если таскать с собой неохота, расклюют в момент. А сейчас — реденько эти птицы селятся, и редко их крик слышишь. С ними-то что произошло, куда подевались?

А про уток и гусей в осеннем небе — и говорить не приходится в последнее время. Не летят они теперь через мои поля... Слышал — пути миграций изменились... А с чего, почему?..

На ставах и речках утки стало много меньше, и главное — птица поведение свое изменила напрочь. Раньше все на виду: выводки, перелеты, а сейчас? Подойдешь еще до открытия охоты к какому-нибудь глухому ставочку, где и трава по берегам нетоптана, осторожно выглянешь на плесо... а там даже лыски захудалой нет. Лысухи, глупые водяные куры, стали обитать в основном в черте человеческих поселений. В пределах хуторов, станиц, да и городков типа нашего — селятся, детей выводят, а где поглуше, подальше от жилья — нет никого... То же и утки — перелеты в основном в темноте, при свете — редкий случай, а после открытия

охоты — поездить надо, поискать хоть какой перелет.

И характерно: в прежние годы на один водоем, а равно и кормовое поле, можно было ездить несколько раз, птица продолжала там бывать меньше ото дня ко дню, но охотиться можно было, сейчас — нашел место, отстрелялся — и второй раз можешь не приезжать. Наверное, умнеет птица, приспосабливается...

Но я не полный пессимист, и не все так плохо. Вот заяц — какое количество его было тридцать лет назад, таким и осталось. Жаловаться грех. Иной раз кажется, что руссачка даже больше стало. И вроде травят его и косят современной быстросходной техникой, и жгут стерню и камыш, и сплошь монокультуры вокруг — нет, не удастся изничтожить зверюшку, выживает как-то. И фазан вот лет десять как появился, а раньше о нем не слышали...

Вот и все плюсы, пожалуй... Меньше их все же, чем минусов, чем потерь. Те, кому сейчас не более тридцати, этих минусов не видят, не могут видеть. Ведь они не охотились тогда, в те далекие, вчерашние для меня дни... А я куда могу деться от сравнений? До конца дней обречен сравнивать и грустить. Хотя и знаю, что ушедшее всегда кажется лучше настоящего, особенно в таком вопросе, как охота. Однако знаю: то ушедшее, о котором рассказываю, точно было лучше. Ну что ж. Так уж вышло. Ничего не поделаешь...

В прошедшем январе, уже в конце сезона, забрел я заячьей охотой в уголок, где охотился на утку в тот далекий вчерашний день. Вышел на дамбу рукотворного ставка, через прореху в камышовой стене увидел зеркало воды. Плесо тянулось, суживаясь, вдаль, к невидимой за тростниковым мысом вершине. Уток на воде видно не было. Справа из камышей серым безлистным облаком поднималась верба. Под ней тридцать лет назад стоял мой мотоцикл, а неподалеку в поле на прогретой сгоревшими подсолнуховыми стеблями земле спал в ту ночь я. А в небе посвистывали утиные крылья.

Ничего в сущности не изменилось. Та же вода. Тот же камыш. Та же верба. Я вдруг совершенно отчетливо почувствовал, что происходившее тогда на самом деле было вчера. Настоящее отчетливо, что мне стало даже немного не по себе. Что-то похожее, кажется, называют французским словом «дежавю». Почему подобного короткого слова нет у нас?

И почему же в таком случае не по-французски, а как-то совсем уж по-русски вдруг заслезился от холодного ветра глаза?.. Глупость какая...

Рисунки Б. Игнатьева

Выживает сильный

Разбудил меня поднявшийся под утро ветер, все настойчивее и все громче хлопавший не закрытыми на ночь ставнями.

Бледный рассвет несмело просеивался между неплотно задернутыми занавесками, освещая в противоположной от меня стороне дверь в соседнюю комнатушку. За дверью слышался храп сына хозяйки — малого лет двадцати. Вчера с вечера он праздновал день полочки, приглашая и нас с другом принять участие в этом «радостном» событии. Наш отказ его не очень-то расстроил, и он продолжал в одиночку радоваться и куролесить, не обращая внимания на все увещевания матери. К полночи «зелёный змий» его все же свалил.

В доме пахло кислой капустой, калиной, потными хомутами и самогоном. Скрипнула входная дверь, вошла хозяйка с охапкой колотых дров, осторожно, чтобы не греметь, положила их возле печки. Заметив, что я проснулся, подошла, включила свет.

— А твой-то друг ночью ушел на поезд, — объявила она вместо приветствия и тут же о наболевшем, о беде, которая неожиданно поселилась в этой избенке. — А мой-то алкаш так и не проснулся, сколько ни будила, и с этой работы его, видимо, выгонят.

— Я знаю, что ушел, — вернулся я к началу разговора.

Вчера у нас с другом Мишей была удачная охота: добыли двух косуль, и он должен был отвести мясо в город, а я остался проверять капканы.

Наш промысловый путик, по которому были расставлены капканы и ловушки, протянулся километров на тридцать — распадки, увалы, несколько ключей, разделенных горной цепью. Одним краем путик выходил на морское побережье, захватывая залив, который глубоко вклинивался в болотистую долину. Вот по этому, открытому всем ветрам заливу, мне и предстояло сегодня пройти. Почти по середине нашего путика, у подошвы горы, притулился полустанок — три дома. Один кирпичный, построенный еще первыми путейцами, прокладываявшими железнодорожную ветку на пограничную станцию Хасан, в нем располагалась станция-диспетчерская. В трехстах метрах от нее среди

зарослей полыни, аралии и осинника стоял большой неухоженный деревянный дом — общежитие вахтовых рабочих-путейцев, а к нему приткнулся сложенный из выбракованных промасленных шпал домик нашей хозяйки.

Мы договорились, что при обходе раз в три-четыре дня будем останавливаться у нее на ночлег, так как не успевали засветло обойти весь путик и вернуться в свое зимовье.

— Что вы с собакой моей сделали? — обратилась ко мне хозяйка. — Ничего не ест, вечером не ела и сейчас давала, не ест.

В прошлый наш приход я упросил хозяйку дать нам на время собаку. Это была обыкновенная дворняжка средних размеров, неопределенной масти и, хотя всю свою собачью жизнь просидела на цепи, довольно-таки добродушная. Собаки у нас не было, и я надеялся, что проснется в этом блохастом стороже его истинный звериный инстинкт, и он начнет искать и облаивать белку. Однако пёс оказался по этому делу на редкость туповатым и облаивал исключительно только сорок, не обращая никакого внимания на встречавшихся нам белок. С сороками были у пса свои счеты: когда-то одна из них утащила у него причитавшийся ему кусок, чем нанесла незабываемую обиду и не прощающее желание разобратись с этой крикливой и наглой птицей.

Чем действительно пёс удивил, так это своим непомерным аппетитом. Хозяйка его не баловала, кормила тем, что оставалось от стола, в основном зачерствелыми кусками хлеба, да вареной картошкой.

В первый же вечер Миша, разрубив пополам две беличьи тушки, пошел кормить собаку. Первую полутушку пёс проглотил, пережевывая ее налету, и, видимо, сам не поняв, куда же она подевалась, начал беспокойно крутиться, обнюхивая все вокруг себя; не найдя ничего, опять просясь устоялся на Мишу, несмело виляя хвостом. То же самое произошло и с последующими полутушками, с той лишь разницей, что теперь он успел попробовать их на зуб, тем не менее голодный блеск в собачьих глазах так и не погас. Миша вернулся с глубоким убеждением, что эту собаку накормить в принципе невозможно и не стоит даже пытаться.

Через день мы отправились на обход своего путика. Накануне выпал снежок, накрыв белым саваном сопки, кусты, деревья. Между гор в узкой долине петляла белой лентой речка. Кое-где на крутых быстринах лента разрывалась резко выделяющейся чернотой незакрытой воды. Морозам еще долго не удастся смирить хотя бы тонким ледком эту бешено колотящуюся воду. По берегам этой речки в хатках, сложенных из валежника и камней, а то и просто в выворотнях нами были расставлены капканы и другие ловушки.

Поднялись вверх по речке до последнего капкана, пройдя где-то около пяти километров. В этом месте в речку впадал ручей, стекающий с горы, на которую нам и предстояло подняться, чтобы затем спуститься в долину следующей речки. Возле ручья мы разошлись, договорившись встретиться на перевале. Я с собакой пошел по одной стороне ручья, Миша — по другой. Ручей, чем ближе к верховью, тем чаще разбивался на отдельные рукава, и, обходя их, мы довольно далеко отдалились друг от друга.

Миша поднялся на перевал и уже направлялся в мою сторону, но неожиданно вышел на стадо косуль.

Вожак не раз приводил свое стадо на дневку на этот южный склон перевала. Отсюда далеко, до самой речки, просматривалась местность, и подойти к стаду с этой стороны, не обнаружив себя, было не возможно. При этом само стадо оставалось незамеченным среди переплетений высокой травы, кустов таволжки, мелкого осинника и монгольского дуба. Самым уязвимым местом оставался перевал. Опасность с этой стороны, прежде всего, обнаруживалась чутким звериным слухом. Но на этот раз или подтаявший снег скрадывал шаги, или вожак потерял осторожность, расслабившись под ласковыми пригревающими лучами солнца. Казалось, безмятежный дремотный покой навсегда опустился на эти притихшие горы и леса, и под этим бесконечно-голубым небом наконец-то наступили мир и согласие между всеми живущими на этой благодатной и всякому живому одинаково родной земле.

Услышав выстрелы, я повернул навстречу Мише. Он стоял, улыбаясь, и с нетерпением ждал, когда я подойду

поближе, чтобы поделиться переполняющей его радостью. Как только я подошел, сразу же начал рассказывать, как он вышел на косуль, как стрелял, вновь переживая минуты охотничьей удачи. Именно в эти минуты и просыпается в современном цивилизованном человеке тот первобытный инстинкт, когда его удача и жизнь были неразрывно связаны. Ради этих минут сладостной отравы мокнет он и мерзнет, спит на снегу около костров, проходит сотни километров, терпя всевозможные неудобства и лишения. При этом далеко не в каждом, а только в избранном, неожиданно проснется и властно зазвучит зов предков охотников.

Прислонившись к монгольскому дубу, мы вынули из пристегнутых к поясам ножен острые охотничьи ножи и начали снимать шкуры, а затем разделять туши. И здесь наконец-то наступил пир для нашей собаки. Шкуры, головы, ноги и, конечно, внутренности мы с собой не забирали. Кажется, собака решила навестить и съесть все, что не доела за прежнюю голодную собачью жизнь на цепи.

Разделив туши на крупные куски, мы начали складывать их в мешок проклеенный, а затем прошитый из прорезиненной ткани наподобие той, что идет на изготовление химвкомплектов. Полиэтиленовыми мешками опытные охотники для переноски мяса никогда не пользуются: полиэтилен легко прорывается острыми костями и через прорывы мясо начинает кровить, пакчая рюкзак и одежду охотника. Все мясо мы постарались затолкнуть в один мешок и положили в Мишин рюкзак — уже тогда было решено, что он увезет эти трофеи.

Короток зимний день. Кажется, солнце только-только перевалило через свою макушку, а уже его нижний край начал плавиться в багровом зареве заката. Длинные тени от деревьев густо исчертили склон, а в распадах первая, чуть заметная синева подкрасила снег.

Взяв оружие и закинув за спину рюкзаки, мы начали спускаться. Собака, хватая на ходу снег, катилась следом бесформенным перекаченным мячом, и мы опасались, как бы она и в самом деле ни лопнула, наткнувшись на сучок или острую палку.

Когда за густой синевой сумерек исчезли ближайшие горы, а на небосклоне, еще не остывшем от закатного пожара, появилась первая звезда, мы постучали в знакомую дверь. Хозяйка больше всего обрадовалась появлению своего лохматого любимца и на радость, отрезав от буханки приличный кусок, побежала кормить собаку, не забыв, однако, прежде всего посадить ее на цепь. Собака понюхала хлеб, вежливо повиляла хвостом и брезгливо отвернулась, что привело хозяйку в замешательство — все ли ладно с собакой?

Теперь она ждала от меня объяснений по поводу странностей, происходящих с собакой.

— Да мы ее накормили, она просто

сытая. Проголодается и опять начнет есть ваши сухари, — успокоил я хозяйку.

Я встал, умылся, хозяйка хлопотала у стола и все говорила, жаловалась на своего сына. Чем мог я помочь этой, видимо, когда-то привлекательной, но до времени завявшей в семейных буднях женщине, случайно и не надолго встреченной и навсегда исчезнувшей с моей путанной земной дороги — разве только выслушать и посочувствовать. Наскоро позавтракав, начал одеваться. На ноги надел шерстяные носки и обулся в короткие резиновые сапоги. Натянул теплый самовязанный шерстяной свитер и меховую жилетку, оставленную Мишей. Сверху надел штормовку, поверх всего тонкую осеннюю куртку, которую в таежных переходах носил в рюкзаке на всякий случай. Одежда удобная для скрытых от ветров переходов, но слабоватая для открытой местности. К поясу пристегнул ножны с ножом — самая главная вещь в охотничьем снаряжении. Ни один настоящий охотник в здравом уме и трезвом рассудке не выйдет без ножа даже за пределы зимовья. На охоте можно обойтись без многого, даже без ружья, например при охоте с капканами, а вот без ножа охотнику никак — отрезать, подкопать, заострить, вытащить раздувшуюся гильзу из ружья, настругать щепок для костра, да мало ли где и в каком неожиданном деле приходится использовать нож. Как-то на заре своих охотничьих скитаний я ставил ловушку, вынул нож и, попользовавшись им, положил рядом, а сам продолжил заниматься своим делом. Целый час его я искал после этого в месиве снега и листвы. С тех пор взял за правило: попользовав-

шись ножом, обязательно вкладывать его в ножны; и эта привычка укоренилась на подсознательном уровне, так что если я даже в зимовье оставлял его на столе, то начинал испытывать какое-то неудобство, беспокойство и успокаивался только тогда, когда нож опять оказывался в ножнах.

Закинул за спину рюкзак, в котором кроме закопченного котелка в целлофановом пакете да сменных носок ничего не было. В карман куртки сунул мешочек с мелко нарезанной камбалой — приманка на капканы. Кроме безрукавки Миша оставил свое ружье в чехле, пришлось взять и его; закинув оружие за спину, свое надел на плечо и, попрощавшись с хозяйкой, вышел.

Непогода разыгралась не на шутку. От вчерашней оттепели не осталось и следа. Небо заволочла сплошная белесая мгла. Ветер завывал в трубе, вершинах деревьев и все силился оторвать кусок целлофана, принесенного от соседнего дома и плотно облепившего колючий ствол «чертового дерева» — элеутерококка.

«Сейчас бы лежать в зимовье, топить печь и радоваться своему благополучию, а не скитаться по заливам, — с сожаленьем подумал я. — Но делать нечего, надо идти».

Мой путь начинался с железной дороги, по которой предстояло пройти километров пять, а затем спуститься к заливу. По железной дороге идти сносно: склады местности и деревья защищали от ветра, но как только спустился к заливу, ветер резко начал набирать силу.

Где-то далеко, на северах, за сотни, а то и за тысячи километров отсюда лютые морозы долго и старательно студили воздух, накапливая его в широких долинах и глухих распадах. И вот однажды эта критическая масса невидимой вражеской армией стремительно начала перемещаться на более теплый юг, захватывая все новые и новые территории.

Ничем не сдерживаемые валы холодного упругого воздуха, прокатывались по заливу, полируя лед перемерзшей, перетертой белой сыпью, засыпая тихие бухточки, трещины и неровности. Иногда по льду ветер прогонял, подбрасывая где-то подхваченные полиэтиленовые мешки, обрывки газет и прочий мусор, чтобы в каком-нибудь затишном месте спрятать до весны, припорошив снегом.

Попадающиеся на пути глубокие заносы старался обойти, опасаясь как бы снег не попал в сапоги — твердо знал: снег должен быть немедленно удален, иначе от растаявшего снега промокшей ноге обморожение гарантировано. Идти было бы не так трудно, если бы ветер дул сзади или с любой из сторон, но он дул прямо в лицо. И как я не старался прикрыться воротом куртки и перчаткой чувствовал — лицо теряет чувствительность и, чтобы не обморозиться, то и дело его растирал. Иногда шел задом наперед: идти было легче, не так секло остекленевшим снегом, но было неудобно — приходилось постоянно поворачивать голову, чтобы не зайти куда-нибудь в сугроб и верно выдерживать направление. Моя легкая одежда явно не годилась для такой погоды. Ветер, казалось, продавал меня насквозь, до костей, и я настолько замерз, что несколько раз подумывал бросить проверять капканы (тем более что в проверенные никто не попался) и, круто свернув с залива, напрямую, через курящиеся белым дымом пурги горы выйти к зимовью. Но какое-то упрямство, а более всего постоянная спутница охотника надежда, что в конце залива, где бьют ключи и вода долго не замерзает, живет семейство норок. И, может быть, сейчас там, в последнем капкане, норка и, если ее не забрать, может всякое случиться: она уйдет, открутив лапу, ее вытащат из капкана енот или лиса и, если даже не съедят, то обязательно попортят шкурку.

Так я шел, проверяя капканы и ловушки, не подозревая, что и для меня приготовлена ловушка. Когда до конца залива оставалось метров пятьдесят, а

створ берегов сблизился до нескольких метров, неожиданно лед треснул, и я по пояс ушел под лед. Прежде всего отбросил свое ружье к берегу, через голову снял и бросил Мишино и, ломая лед, выполз на берег. Природа и для меня запустила свой секундомер, распространив и на меня, наряду со всеми живущими, в том числе и с теми, на которых я охотился, свой основной закон естественного отбора: выживает самый сильный, самый достойный этого чуда — жизни. Сейчас мне предстояло доказать этим горам, этому небу и всему миру — я имею право на жизнь. Нужно было немедленно найти выход и принять единственно правильное решение, притом принять быстро. Кричать, звать на помощь, но кто меня здесь услышит? Выбираться к людям, но до ближайшего села километров десять. Попытаться добежать до леса, черневшего в километре на сопке, где можно найти дров для костра. Но что там до леса, я даже не мог встать, не рискуя превратиться в сосульку: намокшая одежда на мне мгновенно станет колом. Так я лежал в снегу прижатый ветром. Здесь было все же потише, густая осока ослабляла порывы ветра, и сюда они долетали обесиленные, вялые. Я понимал, что прежде всего откажут руки, в промокших перчатках пальцы задебуют и перестанут сгибаться — это в течение секунд. Затем начнет замерзать на мне одежда, и все более усиливающаяся нестерпимая боль посеет страх и неуверенность — это в течение минут, а дальше...

И все же в эти критические пограничные секунды поступками и действиями руководят первобытный животный инстинкт и накопленный многолетний опыт. Это они автоматически находят верное направление действий и поступков. Разум же оказывается в этих ситуациях как бы на подхвате, на вторых ролях, следит за логичностью действий и не дает впасть в панику. Это и понятно — осмысливание ситуаций и нахождение вариантов требуют какого-то времени, а если его нет? Опасная ситуация воспринимается контурно, в общем, без деления на части, с выделением главного. В данном случае четкое осознание ограниченности времени.

Скинув перчатку, полез во внутренний специально пришитый карман штормовки за спичками. Внезапно обожгла тревожная мысль: «А вернул ли Миша спички, когда вчера попросил прикурить?»

В секунды смертельной опасности переворачивается все в мироздании человека и наступает момент истины, понимание всей суетности, мелочности и никчемности накопительской повседневной жизни. Казавшиеся бесспорными и незыблемыми понятия мгновенно теряют свою бесспорность. Так вдруг оказалось, что маленький копеечный коробок спичек более важен и це-

нен, чем машина, квартира и прочие материальные и другие блага, ибо сейчас только он способен соединить две рвущиеся части между прошлым и будущим.

В кармане нащупываю коробок: «О, господи, пронесло — коробок на месте». Выхватываю нож и начинаю срезать осоку, скручивая каждый пучок в жгут. Когда набралось несколько жгутов, вытаскиваю коробок, пробую и не могу взять спичку, пальцы не слушаются, возвращаю коробок назад в карман. Засовываю руки под свитер. Кажется, что холод рук забирает последнее тепло. Сдерживаю нетерпение, стараясь не допустить следующей попытки. Проходит секунд двадцать, пробую шевелить пальцами — вроде отогрелись. Вытаскиваю коробок и, прикрываясь от ветра, снова пытаюсь взять и зажечь спичку — получается. Подсовываю зажженную спичку под первый жгут. Появляется редкий, несмелый сизый дымок. Только бы теперь не погасил внезапный порыв ветра с незащищенной стороны. Дым быстро густеет, и живительное пламя вырывается наружу. Тут же на первый жгут бросаю второй, и пока они горят, начинаю раздеваться, как перед отбоем, на время, как учили в армии, с той лишь разницей, что теперь это приходится делать лежа. Извиваясь червем, пытаюсь стянуть сапоги — не сразу, но это удается. Выливаю воду из сапог и сразу же начинаю снимать уже замерзающие верхние ботинки. Остаюсь в нижних спортивных. Из рюкзака вытаскиваю запасные носки, сбрасываю мокрые и надеваю сухие.

Жгуты прогорели, но под верхними почерневшими нитями просвечивалась быстро тающая раскаленная горка из красных нитей. Торопливо, пока она совсем не исчезла, успеваю бросить на нее следующие жгуты. Пахнув густым дымом, он тут же занимается ярким пламенем, распространяя кругом тепло. Сухая, выбеленная солнцем и ветром, осока оказалась довольно высококалорийным топливом с единственным недостатком — сгорала быстро. Постелил рюкзак, сел на него возле огня и, подняв превратившиеся в кусок фанеры замерзшие ботинки, начал их сушить, внимательно следя за костром, подбрасывая по мере сгорания жгуты. Когда видел, что они скоро кончатся, брал нож и, не поднимаясь, ползком начинал косить осоку. Одежда сохла удивительно быстро — тепло, ветер и мороз наперегонки взялись сушить ее. И через минут сорок шел одетый во все сухое, шел гордый и довольный собой. И ни пустой капкан в конце залива, ни ветер не могли изменить моего приподнятого настроения.

Впереди меня ждала длинная, беспокойная, временами трудная, но такая интересная и прекрасная жизнь.

Рисунки Б. Игнатьева

Амнезия

Л. МЕЛЬНИКОВ
Московская обл.,
Волоколамск, д. Жданово

Рыхлый туман, с утра затянувший водохранилище, сменился частым теплым дождем. Я с облегчением свернул свои рыболовные снасти и направился к машине. Пропади пропадом она, эта рыбалка! Нет, я все же не рыбак. Мне утомительно следить за возможной поклевкой. Что там говорить, это не ходовая ружейная охота!

Судя по опустошенному термосу с чаем, у моего спутника Алексея Ивановича, уже сидящего в машине, рыбацкого терпения оказалось еще меньше.

Удивительно даже, как много общего у меня с этим человеком. Ровесники, похожие на военные годы, длительное, с детства, увлечение охотой, учеба в одном институте в одно и то же время, только на разных факультетах, жизнь в одном студенческом общежитии, где, правда, мы были едва знакомы. И вот, оказывается, одинаково равнодушное отношение к рыбалке.

Когда, выйдя на пенсию, я приобрел в одном из отдаленных районов Московской области деревенский столетний дом и стал жить в нем постоянно, был однажды немало удивлен, увидев как-то на автобусной остановке знакомое лицо. Оказывается, Алексей Иванович давно уже построил себе дом в садовом товариществе, границы которого начинались, по сути, сразу за моим огородом, и живет в нем вследствие сложившихся семейных обстоятельств, также практически постоянно. Бывают же такие совпадения!

Похожи-то мы с ним похожи, вот только выглядит он, в отличие от меня, лет на десять моложе своих лет. Я внимательно рассматриваю своего друга. Ну, конечно, он явно следит за своей головой. Ежедневное бритье, уложенные волосы, казалось бы, зачем ему это при его затворническом образе жизни. Даже на рыбалке он в чистой светлой рубашке с галстуком. Такая вот натура. В этом мы явно несхожи. А-а, вот он, секрет его внешней молодости. Все дело в волосах! Его шевелюра осталась точно такой, какой была пятьдесят лет назад. Темно-каштановые волосы и черные брови. Ни одного седого волоса, даже намек на возраст волосы не имеют. Только над левым ухом клочок

то ли сивых, то ли пегих волос. В форме маленькой подковки.

— Алексей, сознайся, ты красишь, что ли свои волосы?

— А-а, вот ты о чем. Гляжу, рассматриваешь меня, как будто первый раз увидел. Я думал, что ты меня за чай осуждаешь. Он с коньяком, тебе, водиле, все равно нельзя его пить. Нет, не крашу, и никогда не красил. Это у нас наследственное, по мужской линии. Деда в восемьдесят шесть лет в гроб положили, а ни одного седого волоска. В бороде если парочку можно было сыскать. И он сказывал, что его предки не сидели с возрастом. Как говорят медики, анатомический вариант.

— И отметина передается по наследству?

— Какая отметина?

— А над левым ухом...

— А-а. Я думал, что ты знаешь. Она же с институтской поры.

— Что, кастетом двинули, что ли?

— Да нет, совсем не то, — он утвердился поудобнее на сиденье и продолжил: — Дело, конечно, прошлое, ты сам через это прошел. Когда в детстве начал с ружьишком ходить на охоту, то совсем голову потерял. А весной вообще становился сам не свой. В школу не ходил, болтался по речке, по лугам и дня мне было мало. Какое там дня! И ночи были заняты. Вечером — на тяге, а в два часа ночи вставай — и на тетеревиный ток. А весь день вытаптываю окрестные поля и речушки. Собаки, ты знаешь, я никогда не имел, и охоту с собакой не понимаю. Эта та же рыбалка, только вместо поплавок подчиняйся, подстраивайся под собаку. Правда, охотник я был неумелый, слишком горячий, нетерпеливый. Наставников, учителей в этом деле у меня никогда не было, поэтому и добычив не был никогда. Зато азарт был. Жизнь была настоящая, восхитительная, полная смысла жизнь. Эх, оглядываюсь я иногда на эти прошедшие годы, да я ли это тогда был? Сколько глупостей по этой горячей неопытности можно было наделать! Ты помнишь тогда эти пятидесятые годы? Для охотника это был рай, такое время никогда уже не повторится. Открыли охоту в какой-то местности, и любой обладатель охотничьего билета может охо-

титься на разрешенную дичь. Любой, понимаешь. И спрашивать разрешения ни у кого не надо. Ружья продавались открыто в обычных магазинах. Предъявляй охотничий билет, плати деньги и уходи с ружьем. Выплачивай только раз в году охотничьи взносы, а они были мизерные. Охота была по сути бесплатная. Это потом уже охоту начали коверкать, сначала запретили вообще, потом ввели всякие путевки — лицензии на охоту, потом — балльную систему, в общем, поставили городского охотника в полную зависимость от чиновника, егеря, охотоведа. Без бутылки для егеря и коробки конфет для его жены лучше за путевкой и не показывайся — все равно не даст. Впрочем, я забежал вперед.

На лице у рассказчика появилась легкая улыбка. Он ослабил узел галстука и, развернувшись, насколько позволяло сиденье, лицом ко мне, неторопливо, обстоятельно продолжил:

— В девятом классе мне исполнилось шестнадцать лет, я получил охотничий билет, а тут и весна подоспела. Отохотился я положенные десять дней — показалось мало. Почему бы, думаю, не двинуться на охоту в соседнюю Вологодскую область — там ее открывали как раз на десять дней позже. Написал записку родителям, сбежал из дома, еще десять дней охотился в Вологодской области, все равно мало. Решил двигаться вместе с весной дальше на Север, в края непуганых птиц, к Белому морю, где были тогда еще нетронутые цивилизацией уголки, где люди жили, как при Святом Владимире. Короче говоря, отловил меня на станции Явenga, уже на границе Вологодской и Архангельской областей. Потаскали по приемникам и вернули, правда, уже без ружья, родителям. Из школы, оказавшись, чуть было не исключили. Спасибо, отец, он был учителем, добился, чтобы у меня приняли экзамен осенью. Я тебе это рассказываю только потому, чтобы ты понял, как я в то время был одержим этой страстью, иначе не поймешь мои последующие поступки, как их не понимаю я сейчас.

— Сам был такой, — буркнул я. — Давай, продолжай.

— После второго курса института, как ты помнишь, нас всех послали на цели-

ну. Вообще можно было и не поехать, но это было не в моем характере. Ваш факультет попал в Оренбургскую область на уборку урожая, вы там и заработали немного денег, а мы оказались на севере Казахстана, строили центральную усадьбу для совхоза. Степь, десяток-два сборных домиков и несколько вагончиков, где нас и поселили. Строили коровники. Строительный материал исключительно береза, других пород дерева там не было. Половина ребят нашего отряда заготавливала лес, остальные, владеющие топором, работали на стройке, я в том числе. Ну, ты, наверное, понимаешь, что из березы сруб нормальный ни один плотник не поставит. Как ни теши бревно березовое, как ни срубай березовые изгибы, все равно корявость остается. Одним словом, работы шли медленно, заработки были низкие, а нам все про-

дляли и продляли срок пребывания на целине.

Любой охотник поймет, как я издержался по той причине, что пропадала осенняя охота. Конец сентября, а я ни разу не пробежался с ружьишком. Короче говоря, оставалось-то до отъезда недели две или три, но я не выдержал, купил по случаю в райцентре самое дешевое ружье с патронами, ижевскую одностволку 16-го калибра, и начал после работы ходить на охоту. В радиусе трех-пяти километров от работы были подходящие озера, и на них к вечеру собиралось несколько выводков кряковых уток. Пролетная утка еще не шла. Однако по ровной, безлесной, по сути, голой степи незаметно подойти к озеру было невозможно. Утки всегда сидели настороже и, как только я оказывался у них на виду, снимались с места и улетали. Не удавалось к ним по-

добраться никак. Каждый вечер возвращался с охоты пустой. Товарищи начали отпускать шуточки по моему адресу, я, конечно, делал вид, что меня это не трогает. Однако же трогало, еще как трогало. Гордыня моя страдала, да...

В общем, самолюбие мое взыграло, работаю ли, сплю ли, а подспудно все думаю: как взять утку? Озера чистые, лишь около берега редкие копыя тростников, береговых чокеч не было вообще. Можно, конечно, выкопать ямку на берегу и ждать их прилета, но у меня не было утреннего и дневного времени. По этой же причине отпадал скрадок, к тому же утки должны были еще привыкнуть к нему. Рассматривал я и вариант охоты с товарищем, который должен был спугнуть уток с озера, чтобы я перехватил их на пути к другому водоему. Но в степи вероятность, что они налетят на тебя, очень маленькая. Оставался один, самый бесхитростный, детский, можно сказать, способ, непрофессиональный: попытаться скрасть дичь ползком, однако ползти надо начинать издалека, пока еще утки не заметили опасности. Утром, до работы, я сбежал на выбранное озеро и осмотрел его. Судя по перьям на воде, утки посещали его исправно. Да, совершенно голый берег. Озеро — как серый лоскут заплатки на рыжей скатерти степи. Сильный северный ветер футболил по ровной земле крупные шары перекастиполя. Мне пришла в голову удачная мысль: я поймал два растения и привязал их шнурком от кеда к какому-то корешку в земле, получив таким образом ориентир на берегу и хоть какое-то укрытие. От этого ориентира до чистой воды, где обычно паслись утки, было не более 20-ти метров.

Чтобы не терять время, на работу я вышел с ружьем. В полдень погода сильно ухудшилась. Поседело нависшее небо, усилился ледяной ветер. Судя по всему, ночью следовало ждать первого снегопада. Но я решил, что такая погода только мне на руку. В этот вечер на охоту я вышел сосредоточенный, как на войну. Трудно будет доползти, далеко, но другого выхода не было. Не доходя до водоема с километр, не видя, по сути, даже ориентира и тем более ситуации на озере, я распластался на земле и пополз в знакомом мне направлении. Ветер дул от озера, это удачно. Только бы были утки там, только бы были. Прижимаясь к земле грудью, животом, лицом, я волочил ружье правой рукой прикладом вперед, чтобы не забыть стволы землей. Несмотря на холодный ветер, ледяным утюгом гладившим меня по спине, через 15 минут мне стало жарко. Я позволил себе чуть-чуть приподнять голову и сделать поправку на ориентир. Уток я по-прежнему не видел, но чувствовал, что они там. А где же еще им быть-то?

В таком вот тяжелом, поистине самоотверженном единении с землей прошло время моего подвига. Я продвинулся к цели значительно и уже слышал какие-то звуки. Значит, есть утка на озе-

ре, есть! Только бы доползти до кустиков перекасти-поля.

За все время своего пластунского марш-броска я сделал несколько минутных передышек, чтобы привести, насколько это возможно, ритм сердца, готового выпрыгнуть от сдерживаемого волнения из груди, в норму. Временами мне казалось, что стук его способен спугнуть мою дичь.

Я продолжил свою тяжелую работу. Но вдруг вздрогнул от неожиданных криков над головой. Оказывается, надо мной летел селезень. Он увидел мое распластанное тело и поднял основную стаю в воздух. Мне ничего не оставалось делать, как вскочить и искать возможную цель. До уток было около 80—100 метров, стрелять бесполезно. Однако возмутитель спокойствия несколько замешкался, он явно недооценил силу ветра, дувшего в мою сторону, и оказался в пределах выстрела. Я стукнул бдительного героя. Он замертво упал в воду метрах в десяти-двенадцати от берега. Это была победа!

Не медля ни секунды, я скинул с себя одежду и прыгнул в воду. За своей законной, так тяжело давшейся добычей. То, что вода будет обжигающе холодной, я предполагал и был готов к этому. Меня поразило другое. Под водой был подводный лес! Стена каких-то подводных растений стояла монолитом. Однако меня это не смутило и не остановило. Разгоряченный азартом, не ведая никаких сомнений, я выпихнул свое тело на самую поверхность воды и прошлепал, как катер на воздушной подушке, к убитому селезню. Однако, достигнув цели, я замешкался: как транспортировать тяжеленького, отъевшегося осеннего селезня к берегу? Если в руке — то придется плыть по этой каше, загребая одной рукой. Сумею ли? Может, лучше, как собака, взять его в зубы и пользоваться двумя руками? Речушка моего детства, где я начал охотиться на уток, была неширокой и лишь в отдельных местах достигала 8-10 метров. Там такой проблемы никогда не возникало — оттолкнулся от дна ногами, загреб рукой разок — и ты на берегу. Здесь ситуация другая. Вот эта заминка чуть было не стоила мне жизни. Да что там «чуть было»...

Алексей Иванович что-то сглотнул, махнул рукой, замолчал и отвернулся к окну. Чувствовалось, что его охватило нешуточное волнение. Что там могло произойти такое, что даже через 50 лет может так сильно волновать его? Я не стал торопить рассказчика и тоже отвернулся к окну. Дождик растворял белую пену тумана. Стало светлее, и открылся противоположный берег водоема с суетящимся рыболовом. По-видимому, начинался клев. Я вдруг вспомнил, что уже два года вожу с собой НЗ — плоскую бутылочку коньяка. Наверное, самое время предложить для успокоения нервов стопочку дагестанского.

— Пожалуй, ты прав, — закусывая яб-

локом, согласился Алексей Иванович. — Да, дело прошлое, конечно, но эта заминка стоила мне многого. Тело мое опустилось вертикально вниз в эту подводную лесную чащу, и я почувствовал, как десятки жгутов змеями поползли по моему телу, начали обвивать его какими-то прочными канатами. Кто-то невидимый, как паук муху, стремительно начал закручивать вокруг моих ног прочные нити, превращая их в некий кокон. Руки еще были свободны, но под мышками уже тоже шуровали, присасывались плоские щупальца, скользили и охватывали тело. В конце концов я схватил селезня в зубы за шею и стремительно рванул к берегу. Но не тут-то было! Метра полтора я проплыл, но тогда же упругая сила «веревки» меня вернула в прежнее положение. Я был уже привязан! Тогда я, выплюнув селезня, набрал побольше воздуха в легкие и опустился на дно, чтобы руками разорвать связывающие меня путы. Глубина оказалась небольшой, немногим более двух метров. Дно водоема в этом месте показало мне каким-то шерстистым, лохматым, я даже не понял, илистое оно или песчаное. Начав рвать руками и зубами связывающие меня жгуты, я вдруг почувствовал, что на шею мне набросили петлю и начали душить. Я рванул на поверхность, к воздуху с такой силой, что эта змеюка-удавка вылетела с корнем вместе со мной и распласталась зеленой анакондой на поверхности воды. Уже в отчаянии, опять схватив утку в зубы, я забарабанил со всей силой молодых рук по воде, но результата не было. По сути, я оставался на том же месте. И тут я понял, что все эти подземные растения — суть единая, живая, враждебная мне сила, которая хочет меня сожрать. Я был ее добычей, как селезень мой, я был в полной ее власти. Меня охватил страх. Да что там! Дело прошлое, но страх не то слово. Смертельный ужас! Я хотел выплюнуть селезня изо рта, он теперь был мне не нужен, но челюсти уже не повиновались мне. Не смог разжать их. И руками не мог уже командовать, ватными стали...

Алексей Иванович замолчал и опять отвернулся к окну, но я не дал ему передышки.

— Ну, и кто же тебя вытащил?

— Никто, там никого не было.

— А как же ты выплыл тогда?

— А никак. Я не выплывал...

— Ну, как же ты тогда... — я не стал заканчивать своей мысли. Мне почему-то стало тревожно. Я смотрел на него, требуя ответа. В том, что он вполне разумен и не сочиняет, я был уверен.

Расслабленно вздохнув, как путник, переваливший хребет, рассказчик продолжил:

— Я очнулся на берегу...

— Фу-у, ты, — с облегчением выдохнул я. — Ну, напугал ты меня. Амнезия это называется, друг милый. Временная потеря памяти на фоне стрессовой ситуации. Продолжай, продолжай.

— Не знаю, может быть, амнезия, а

может быть нет. Все может быть. Не знаю. Только вот очнулся я на берегу голый, весь рот забит утиным пухом. Одежда, ружье и селезень лежат тут же. Сумерки уже. Ветер ослабел, но в воздухе сверкали редкие снежинки, которые тут же таяли. То ли от этого утино-го пуха, то ли еще отчего, но у меня началась сильная рвота, и озноб пошел по всему телу. Когда оделся, хотя какая там одежда-то — рубашка, штормовка да штаны, на ногах кеды — сделал, чтобы согреться, пробежку вокруг озера и решил направиться домой. Но куда? Горизонт не просматривался нигде, был одинаково темно-серым с блестящими. А способность к ориентировке как вышибло из головы. Наконец, вспомнил, что когда я полз, ветер дул мне прямо в лицо, значит нужно возвращаться по ветру, туда, куда несло потоком воздуха снежинки. Я побежал, через десять минут бега впереди начали проявляться мигающие огоньки электрических лампочек, укрепленных на крышах наших вагончиков. Я был дома.

— Ну, а дальше что было?

— А дальше был снег, который пошел ночью, тяжелый, плотный. Навалил за раз чуть не до колена. А мы-то все вроде как на юг ехали, в кедах, в соломенных шляпах, зимней одежды ни у кого не было. В общем, через неделю мы уже возвращались домой.

— А ружье захватил с собой?

— Нет, продал по магазинной цене местному жителю. Пришел такой франт, в кепочке, в узких брючках, стилиага, одним словом, но без охотничьего билета. Очень сомневался в кучности ружья, просил показать, как оно бьет.

— Ушел без кепочки, но с ружьем, — догадавшись, рассмеялся я.

— Да, по шапкам и кепкам стрелять я наострился еще в детстве.

— А меточка эта на башке сразу после этого случая проявилась?

— Заметил, когда брлся через пару дней, думал, краской где-то зацепился. Нет, оказывается, на память оставили.

— Кто оставил?

— Кто, кто. Не знаю, кто. Утки, наверное.

— А на уток продолжал потом охотиться?

— Нет. И видеть их не могу, и в руки брать не могу, и кушать их не могу. Сразу тошнит.

— Идиосинкразия, — удовлетворенно выговорил я красивое медицинское слово.

— Амнезия, синкразия — все это какая-то идиотия, — задумчиво промолвил мой спутник, наливая себе вторую стопку. — Давай, трогай, а то дорогу развезет, свалимся в водоем.

— Чего тебе-то бояться, — рассмеялся я. — Уж, что-то, а утонуть тебе не суждено, даже если будешь жить, как библейские праведники, 900 лет, — и включил зажигание.

Рисунки Б. Игнатьева

рим за предоставление права первой публикации фотографий и помощь в подготовке публикации Александра Сергеевича и Ирину Александровну Бутурлиных, дирекцию Ульяновского краеведческого музея.

¹См.: Бутурлин А.С. // Природа и охота. 1992. № 4. с. 20—21; Булгаков М.В. // Охота и охот. хоз-во. 1995. № 8. с. 24.

²Северный охотник. 1923. № 2. с. 4.
³Егоров О.А. // Охота и охот. хоз-во. 1992. № 1—2. с. 20—21.

С.В. Озеров — С.А. Бутурлину
25 июня 1896 г.

...В лице Александра Петровича я избрал руководителя всего отдела оружия во всё, что писалось об оружии, но не со всеми вопросами и за советами.

Принимая на себя редактирование журнала, я хотя и изучил добросовестно всё, что писалось об оружии, но не чувствовал себя достаточно опытным в таком серьёзном деле и боялся принести вред охотникам, допуская нелепости, которыми, согласитесь сами, так богата наша литература. На основании этого мне хотелось иметь хорошего руководителя, а кто иной, кроме А.П., может им быть?

А.П. Ивашенцов — С.А. Бутурлину
5 ноября 1902 г.

От всей души благодарю Вас, дорогой Сергей Александрович, за память обо мне и за присылку Вашей работы о гусях¹. Буду каяться в малом грехе — в невежестве по части этой птицы. Я вообразил, что у нас есть всего 3—4 вида, а их Вы описали 25, и во 2-х, в гораздо большем грехе — в том, что, получив от Вас книгу уже давно, не благодарил Вас и не писал Вам тогда. ...Получил 2-й эк-

земпляр и покраснел до ушей. Пощадите и простите. Но и нет худа без добра. Один из моих двух экземпляров я прошу Вас позволить мне подарить Вл. Мих. Третьякову — заядлому водяному охотнику и хорошему знакомому С.Н. Алфераки. Может быть у него найдётся кое-что сообщить Вам.

Я живу по-старому. Строчу бесконечно и всё-таки не могу вылезти из массы не готовых к сроку определений²...

Н.Н. Фокин — С.А. Бутурлину
17 февраля 1909 г.

...За последнее время мне часто приходится бывать у А.П. Ивашенцова и с каждой встречей этот выдающийся человек положительно поражает меня своей отзывчивостью, высокой прямо-той, замечательной беспристрастностью, широтой своих взглядов, меткостью суждений и проч. и проч. И притом что воистину рыцарь, как Вы заметили в одном из писем, рыцарь привлекающий к себе сердца! Что за люди есть на свете, и не всё ещё в нем оплошено и подведено под плоский и жалкий шаблон! И как я счастлив, что журнал дал мне возможность познакомиться с такими людьми — Вами, Ивашенцовым, Алфераки и работать с ними во имя общего дела. И такая работа большое счастье и отрада!

Н.Н. Фокин — С.А. Бутурлину
27 марта 1909 г.

...И с каждым днем я все глубже и глубже проникаю уважением к таким деятелям и людям как Вы, например, в которых ум, талант, вся мощь богато одаренной натуры сочетались с высокой порядочностью, нравственностью, честностью в самом широком смысле

этого слова!.. И вот, познакомившись с такими людьми, которых мало, которые редки, но всё же они есть, так как теперь я их знаю, я часто отдыхаю душой, думая о них, и всеми силами души хотел бы им подражать. И в их примере я черпаю силы и мне отрадно думать, что всё же люди в лучшем значении этого слова есть ещё, работают, светят как свистильники во мраке.

...Апрель готов уже на 2/3 и будет очень хорош, благодаря Вам, Ивашенцову и Алфераки. Говоря беспристрастно — это три кита, которые создали «Нашу охоту», а я творю только «волю пославшего меня».

Н.Н. Фокин — С.А. Бутурлину
11 декабря 1909 г.

...Итак, мы закончили 1909 год блистательно! ...Вам и А.П. Ивашенцову «Наша охота» обязана своим процветанием! Без Вашей поддержки ничего бы не вышло у меня и не хватило бы сил тащить издание, хотя я люблю его больше жизни и рад работать над ним день и ночь. Умоляю и в будущем году не оставлять журнал, а я лягу костями, но оказанное доверие всеми силами постараюсь оправдать.

Глубоко уважающий и вечно обязанный Вам Н. Фокин.

Н.Н. Фокин — С.А. Бутурлину
30 июня 1913 г.

Дорогой Сергей Александрович, не сомневайтесь в некрологе³ — он написан с большим чувством и очень хорошо: все вместе — А.П., Глеб и Борис Александровичи⁴ и я его читали. Величайшую честь делает Вам желание Ваше показать перед набором некролог семье покойного — это бережное отношение к незабвенному почившему ярко подчёркивает как Вам дорога память о нём, и как Вы понимали и любили его.

А.Н. Фокина⁵ — С.А. Бутурлину
24 октября 1915 г.

Мы решили с Александрой Петровной и Глебом Александровичем Ивашенцовыми — сборник, посвящённый памяти Ал. Петр.⁶ — отложить печатанием до окончания войны, т. к. издать его хуже, чем предполагали — мы не можем и не хотим, а выяснилось, что издавать, как предполагали, т.е. с массой снимков и на очень хорошей бумаге — в настоящее время немислимо.

Экспертная комиссия 2-й Выставки охотничьего оружия Императорского русского технического общества в Петербурге (1897 г.). В первом ряду в центре — Форелепаж (Париж), рядом (с бородой) — генерал-артиллерист Адассовский, крайний справа (с калиброметром в руках) А.П. Ивашенцов, за ним стоит офицер Коленкин, рядом — С.А. Бутурлин. Публикуется впервые

¹Монография С.А. Бутурлина «Дикие гуси Российской Империи» (издание журнала «Псовая и ружейная охота». Тула. 1901 г.).

²Имеются в виду судебные определения.

³Некролог опубликован: «Наша охота». 1913. № 15.

⁴Вдова А.П. Ивашенцова Александра Петровна и его сыновья.

⁵Вдова Н.Н. Фокина Александра Николаевна, продолжавшая издавать журнал «Наша охота» после смерти мужа.

⁶Готовившийся редакцией «Наша охота» сборник памяти А.П. Ивашенцова так и не был издан.

Царь

В. КЛИМОВ. Фото автора

На тысячелетия застыл в египетских песках священный Сфинкс — чудище-бог с головой человека и телом льва, олицетворяя собой величие образа Царя зверей, ставшего в умах людей Великим Богом!

За тысячелетия истории цивилизации на Земле человек бесконечное число раз воспел в своих песнях, сказаниях, поэмах силу и красоту льва. Многократно были прославлены смелость, отвага, величие и благородство царственной кошки, по праву занявшей место Царя всего звериного царства. Но это никак не отразилось на отношении ко львам живым. Человек был холоден, расчетлив и жесток!

Еще в VIII—XII веках львы водились не только в Африке, но и на юге Европы, на Кавказе, в Месопотамии, Ближнем и Среднем Востоке, Средней Азии и Индии. Постепенно их уничтожали и вытесняли, да так, что сегодня в Азии львы сохранились только в заповедном Гирском лесу штата Гуджарат в Северной Индии. В Африке львов безжалостно истребляли все, кому не лень. Последний капский лев был убит еще в 1865 г. (!), последний атласский черногривый — в 1922 г. Остались эти царственные создания в восточной и южной ча-

Зверей

сти континента, немного в Сенегале, где они более-менее находятся под защитой национальных парков, хотя надо признать, что большинство этих парков существует лишь на бумаге.

Главная беда для львов в том, что свободных саванн с дичью остается в Африке все меньше. А если нет дичи, то нет и львов. Везде, куда ни кинь взгляд, только засеянные поля, рукотворные пустыни, поселения, города, люди и домашний скот. Настоящая дикая Африка уходит безвозвратно...

Напасти на львов накатывались волнами. Сначала это были дикие масаи, для которых пропуском во взрослую жизнь было убийство льва с помощью копья и мачете. Потом со всех сторон потянулись белые охотники... С трудом удалось утихомирить и тех, и других. Но в последние годы львов Серенгети одолевает болезнь Карре. Это вирус, поражающий нервную систему, нарушающий функции мозга, приводящий к судорогам и смерти. Интересно, что для пятнистых гиен, поедающих тела павших львов, эта болезнь не страшна. И там, где еще вчера на просторе охотились величавые львы, сегодня раздается глумливый хохот гиен...

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» № 2 за 2007 год напечатана статья Бориса Петрова «Воронье». Решил рассказать о собственных наблюдениях, так как считаю, что «воронье» крайне опасно для природы и охотничьих угодий.

Я вырос на Южном Урале в Челябинской области, но живу и работаю в Красноярском крае. Часто ездил в командировки, действительно, серые вороны встречались практически везде — от Москвы до Новосибирска.

В районе Красноярска и далее на Восток встречаются только черные вороны. Но как же их много! Летом 2006 года ехал поездом от Красноярска до Читы, и везде на остановках видел одно черное воронье, изредка воробьев, и больше никаких других птиц.

Как-то в конце сентября я подъехал к одной из стариц (проток), образованной разливами Енисея. Остановился неподалеку от берега протоки, переоделся, собрал ружье и стал подходить к берегу, раньше я часто в этом месте поднимал уток. Взлетел одиночный кряквовый селезень. После выстрела он упал ближе к середине протоки, проломив тонкий лед. В тот год были ранние сильные заморозки, и многие протоки со слабым течением замерзли.

Я попытался подобраться к селезню по льду, но он начал трещать и прогибаться. Тогда я решил съездить в вводно-моторное общество, которое было недалеко, и взял спиннинг с блесной. После нескольких попыток зацепил селезня, но не смог вытащить его на лед, в итоге оборвал леску. Поехал еще раз и взял острую кошку-тройник с веревкой. Это заняло не более получаса, но когда я вернулся, весь лед вокруг селезня был усыпан воронами. Все было черно на территории примерно 300х80 метров. Вороны вытащили селезня на лед, разодрали на куски и сожрали.

Неоднократно на вечерних зорьках приходилось наблюдать не утиный перелет, а «лет» ворон. Они летели во всех видимых частях горизонта, вблизи и вдали, молчком и с истошным карканьем. Это

кошмар какой-то, настоящая воронья напасть!

Во время весенних охот я не упускал случая застрелить в разных местах встречавшихся ворон, а осенью замечал, что там сохранились полные утиные выводки.

Как-то весной я застрелил ворону, которая упала на дерево и прочно застряла среди веток. Вороны вокруг подняли истошный крик, который продолжался около двух часов, затем все дружно снялись и куда-то улетели. В итоге остались брошенными три вороньих гнезда с яйцами.

Особенно много воронья в городах, где они легко находят себе еду. Я несколько раз видел, как они нападали на голубей и вытесняли их.

Когда-то общества охотников активно занимались отстрелом ворон, это материально поощрялось и была ощутимая польза. Сейчас все заброшено, о борьбе с вороньем никто не думает. Необходимо срочно возобновить отстрелы и другие способы борьбы, иначе кроме ворон мы вообще никаких птиц больше не увидим.

А. ЛИПИН

г. Железногорск

Здравствуйтесь, глубокоуважаемая редакция! Ваш журнал я выписываю с 2000 года и ни разу не пожалел об этом. Мне очень нравится рубрика «Молодому охотнику», она дает возможность обогатить свои знания за счет более опытных людей, которые на себе испытали сложности охотничьей жизни.

А. Назаров (в центре) с друзьями-охотниками

Я охотник из Вятской губернии с красивыми, живописными местами. Не могу сказать, что в наших краях большое изобилие дичи, но охотиться здесь очень интересно. И удовольствие получаешь не от количества дичи, а от того, что находишься в гармонии с природой. По этому поводу хочу вспомнить статью А. Азарова (№4—2005), который так хорошо написал о значении охоты для русского человека.

Больше всего люблю охоту по боровой дичи и на зайца со своей русской пегой гончей Дунаем.

Спасибо сотрудникам редакции за то, что делаете для нашего брата — охотника. Желаю журналу долгих лет жизни, чтобы он радовал нас и в дальнейшем.

Напечатайте, пожалуйста, фотографию, где я со своими друзьями-охотниками.

А. НАЗАРОВ
Кировская обл.

Здравствуйтесь, дорогая редакция! Давно хотел написать в любимый журнал об одном интересном случае, но все как-то не получалось и, наконец, решил, ведь подобные случаи на охоте бывают крайне редко.

Поехал я на охоту где-то в 20-х числах ноября, морозы уже установились, реки и пруды замерзли, рыбаки смело ходили по льду. У нас в степном Саратовском Заволжье часто так бывает — морозы установились, а снега нет. Вот и начинается охота на зайца «на узерку» — пашня

черная, заяц побелел, его видно издалека. Подъехал я на велосипеде к озимому полю, оставил его у стога солом, а сам пошел по пашне. Пройдя метров 500, заметил несколько кустов перекати-поле. Подошел ближе, что-то среди этих кустов белело, еще подошел и вижу, лежит заяц ко мне спиной, на левом боку, лапки вытянуты. Может, мертвый? Взвел курки, стал тихонько подходить, заяц лежит себе с вытянутыми лапками, можно рукой дотронуться через перекати-поле. От удивления я нечаянно свистнул, заяц тут же вскочил, недоуменно взглянул на меня и покотился по озимому полю. Я так растерялся, что не сразу вспомнил про ружье, но когда опомнился, начал стрелять и добыл этого зайца.

Про этот случай я рассказывал отцу, который всю жизнь проохотился, но ничего подобного у него не было. И в охотничьей литературе я такого не встречал. Вот и решил рассказать читателям нашего журнала.

А. ГОНЧАРОВ
Саратовская обл.

Здравствуйтесь, уважаемая редакция! Взяться за перо меня заставила статья Бориса Петрова «Воронье» (№ 2 — 2007 г.). Очень нужна статья! Нам всем пора бить во все колокола и принимать срочные меры.

С автором я полностью согласен, ворона — это умная, хитрая, терпеливая, очень наблюдательная хищница! Сколько из-за нее гибнет кладок, пуховых птенцов, подлещей, зайчат. Как заметил Б. Петров, воронье нападает скопом даже на взрослых зайцев. Кстати, я хорошо помню, как в одной из ваших статей орнитологи и егеря рассказывали, как в Азовских лиманах во время линьки уток, лысух, вороны вместе с чайками заклеивали и пожирали утиную братию, которая была еще не способна летать.

Численность ворон необходимо разумно регулировать, а в местах массового размножения других птиц сокращать до нуля.

Е. ПОЛОЛИКОВ
Мурманская обл.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Директор хозяйства «Заречное» В. Кудрявцев

Здравствуйте, уважаемая редакция нашего любимого журнала. Коллектив охотничьего хозяйства «Заречное» Тверской области просит вас поздравить с 70-летием со дня рождения нашего директора Владимира Васильевича Кудрявцева.

В.В. Кудрявцев уже много лет руководит нашим хозяйством, а до этого 15 лет работал председателем Сандовского районного общества охотников и рыболовов Тверской области и вывел его в число передовых.

Охотничье хозяйство «Заречное» входит в состав Тверьохотобъединения «Егерь». Под руководством Владимира Васильевича оно добилось значительных успехов: практически решена проблема браконьерства, успешно ведется борьба с волками, увеличивается объем биотехнических мероприятий, численность основных видов охотничьих животных возросла до оптимальной. Сейчас «Заречное» — одно из лучших охотничьих хозяйств области.

Владимир Васильевич — почетный член Тверского общества охотников и рыболовов. За активную работу по укреплению и развитию охотхозяйства, отвагу, проявленную при задержании браконьеров, он был награжден орденом «За личное мужество».

Мы поздравляем нашего товарища со славным юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в его плодотворной, очень интересной, но сложной и ответственной, работе.

Коллектив охотхозяйства «Заречное»

Многоуважаемая редакция журнала! Я — житель села Горки Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Пишу вам по одному вопросу, волнующему многих охотников Севера, особенно нашего округа, где практически все мужское население — охотники. Из них добрая половина в той или иной мере занимается добычей пушны. Однако сдавать ее некуда, поэтому кто как может сам реализует.

По нашим правилам охоты, сегодня добыча зверей, в том числе и пушных, запрещена с любыми видами самоловов. Есть, правда, исключение — для охотников-промысловиков, закрепленных за какой-либо организацией и имеющих договор на сдачу продукции. Им разрешено использовать самоловы только на зайца. Но такая охота не практикуется, значит, и эта льгота отпадает.

Нам кажется, что это аб-

сурд: охота разрешена только с огнестрельным оружием, но некоторые виды животных очень трудно добыть с ружьем даже из-под собаки, да и период такой охоты очень короткий. А при обильных снегопадах охота с собакой вообще станет невозможной. В то же время охота на ондатру разрешена только самоловами.

А ведь добычу пушны надо поощрять и поддерживать, каждый знает, что она дорого стоит. Государству эти средства нелишними будут, и охотнику материальное подспорье, здоровье и удовольствие.

Очень прошу редакцию поднять и обсудить эту проблему на страницах нашего журнала.

Ю. ПОЛЯКОВ
Ямало-Ненецкий автономный округ

Здравствуйте снова, я уже как-то писал вам! Уважаемая редакция, мне нужна ваша помощь! Уж больно хочется поработать в каких-нибудь экспедициях, побывать в разных уголках нашей огромной страны. Готов помогать всем, кому это необходимо, не ради денег, а ради путешествий. Полевую, кочевую жизнь знаю неплохо (ориентирование, ночлег, костер, пища и т.д.).

Мне 19 лет и очень хочется, как можно больше увидеть, запечатлеть все в памяти и на фото. Геодезисты, охотovedы, геологи — все, кому нужна помощь, пишите по адресу: 427620 Удмуртия, г. Глазов, ул. Мира, 2-2. Бушманову Евгению.

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам семья Сутягиных из Екатеринбурга. 10 лет назад судьба свела нас с семьей Смирновых — Сергеем Юрьевичем и Тамарой Анатольевной, живущих в поселке Батово Ханты-Мансийского района. Молодыми специалистами после окончания института попали они в этот суровый край, и уже четверть века живут здесь и работают.

Сергей Юрьевич — Охотник с большой буквы, человек чистой души и доброго сердца. Прекраснейший фотограф. Ваш журнал он выписывает с первого же дня, как приехал на Север, сохранил все номера, с нетерпением ждет каждый новый номер, читает его от корочки до корочки. Многие свои знания о животном мире и способах охоты почерпнул именно из «Ох. и ох.». Опубликуйте, пожалуйста, его фотографию, это будет для него хорошим подарком.

СУТЯГИНЫ
г. Екатеринбург

Сергей Юрьевич Смирнов

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Другие трофеи

Страсть человека к коллекционированию и демонстрации своих трофеев зародилась очень давно. Изначально, имея лишь практическое значение (шкура как материал для одежды, рога как дополнительное оружие взамен заостренной палки), трофеи постепенно стали и символом победы над зверем, и памятным знаком успеха. Теперь мы восхищаемся то формой и внушительным размером лосиных рогов, то хрупкостью и живописным изяществом лисьих клыков или чучела тонкоклювого бекаса, приобщаясь тем самым к древней культурной традиции. Однако для большинства из нас представление трофея и того, каким он может быть, в значительной степени ограничено несколькими стереотипами: рога, голова, клыки, чучело. Однако в Европе, на родине современной общепопулярной трофейной традиции, этим скудным списком не ограничиваются. Культура охотничьих трофеев здесь значительно богаче и разнообразней, чем у нас. В русской охотничьей традиции мы находим довольно мало сведений о сохранении трофея вообще — только Черкасов упоминает, что крестьяне-промышленники отрезали у добытых глухарей хвосты, высушивали их в развернутом виде и

употребляли для украшения избы. Даже такой популярный в Европе трофей как рога не имел ценности: их чаще всего бросали на месте, где был взят зверь. Брали только молодые рога благородного оленя (изюбра) — панты и то только в Восточной Сибири, где они шли на продажу китайцам, использовавшим их для приготовления лекарственных средств. Исконной трофейной культуры как таковой фактически не существовало: большинство ее элементов было заимствовано из европейских стран путем интенсивного культурного обмена между представителями знати.

Сегодня в Европе классические трофеи, как простая демонстрация победы над зверем, уже не актуальны. Трофей скорее доказательство того, что ты силен и ловок, твой глаз зорок, а рука тверда. И сверх того — хороший трофей свидетельствует, что на данном участке успешно ведется охотничье хозяйство и дичь может достигнуть расцвета. Но здесь имеется и другая сторона медали: сегодня европейские охотники опасаются излишней переоценки значения трофея (прежде всего рогов), стремления к супер-трофеям и рекордам, что будет идти в разрез с охотничьей честью и способствовать восприятию подобного трофея не как символа охотничьих талантов, а как свидетельства финансового превосходства.

Здесь трофеи ценят как напоминание о прекрасных моментах охотничьей жизни и знаки успешной охоты, поэто-

му список трофеев по давним традициям расширяется несколько непривычными для нашего человека вещами.

К примеру, охотник, добывший серну, делает для себя еще и кисточки из ее шерсти для украшения шляп — в Германии 40—50 лет назад они были даже более желанным трофеем нежели рожки. Кисточки изготавливаются из черных остевых волос с хребта (зимний наряд). Особенность этих волосков — в их структуре и длине (до 20 см). Особенно ценятся длинные, тонкие, очень темные волоски с четко очерченными светлыми кончиками. На кисточки годятся и длинные остевые волоски с шеи оленя (зимний наряд): они несколько короче (до 15 см) и имеют коричневую окраску с бросающимся в глаза светлым кончиком. Кисточки, изготовленные из кабаньей щетины, считаются самыми прочными и долговечными, потому что для них используются щетинки со спин взрослых особей. Нельзя также обойти вниманием и кисточки со спины барсука и из заячьих усов (на одно изделие идут усы нескольких длинноухих).

Украшают шляпу охотника и некоторые части пернатой дичи: из зимнего наряда глухаря предпочтительны перья верхней части хвоста, из хвоста тетерева — косицы, из брачного наряда крякового селезня — тонкие серповидные перья, у гусей, уток и фазанов — перья со сгиба крыла (зеркало). Хвосты глу-

харей и тетеревов сохраняют целиком, крепляя их в распущенном виде на деревянных медальонах. Иногда на медальоне укрепляют не только хвост, но и голову петуха. Такие трофеи служат настенным украшением. В некоторых странах (например, на территории бывшей Чехословакии), где возможна была охота на дроф, ценились их усы или изготавливалась оформленная как настенное украшение комбинация из их хвоста, крыльев и головы с шеей. Интересные трофеи дают также вальдшнеп и бекас — на сгибе крыла у вальдшнепа находится маленькое 2—3 сантиметровое перышко, называемое «живописным» — жесткость и тонкость делают его незаменимым для некоторых тонких художественных работ; у бекаса берут маленькие перышки с копчиковой железы и делают из них вышеупомянутые шляпные кисточки. Любопытно, что на своей шляпе охотник может носить кисточки или перья не только из дичи, добытой им самим. В ход могут пойти и

найденные в лесу перья, особенно если их хозяин принадлежит к охраняемым видам. Охотнику надо только точно знать, какой именно птице принадлежало это украшение, чтобы не опростоволоситься в разговоре с товарищами.

В старину охотники доставали трофеи и из желудков каменных козлов — это были безоары (камни, имеющие гладкую блестящую поверхность, исчерна-зеленоватый, голубоватый или сероватый цвет и раковистый излом, которые иногда образовывались в желудках животных и человека при попадании туда неперевариваемых предметов). Они считались сильным противоядием и потому высоко ценились не только европейскими, но и русскими владыками. Но особо почитали безоар на Востоке — шах персидский в 1808 г. даже послал один в подарок Б. Наполеону.

Но вернемся к трофеям менее экзотическим: помимо традиционных каменных клыков, большое значение евро-

пейские охотники придают и клыкам благородного оленя, которые являются одним из излюбленных трофеев. Их аккуратно извлекают из челюсти и укрепляют в композициях на маленьких медальонах, оправляют в серебро, вставляют в ювелирные украшения, заколки, запонки. Желто-красные зубы взрослых альпийских сурков, клыки лис и куниц тоже предстают в виде тщательно сохраняемых экспонатов домашних трофейных коллекций.

Причина такого многообразия необычных трофеев, которые мы можем увидеть, рассматривая европейскую трофейную культуру, отражает стремление сохранить возможно большее из добытого зверя. Это совершенно иной подход охотника к добытой дичи и отражение желания не просто «набить побольше», но и оставить память о добытом в соответствии со своими традициями и своей совестью.

Е. ЦЕЛЫХОВА

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке - гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23

тел. (8332) 64-94-27, факс 64-03-22

E-mail: Snab@brush.kirov.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ВНИМАНИЕ!!!

ДЛЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

ЛЫЖИ ОХОТНИЧЬИ

ДЕРЕВЯННЫЕ | ДЕРЕВО-ПЛАСТИКОВЫЕ
145, 165, 185 см. | 165, 175 см.

КРЕПЛЕНИЯ ИЗ КОЖИ И БРЕЗЕНТА

НОВИНКА

РЕЗИНОВЫЕ НАКЛАДКИ

ООО «ЗАЩИТА-С»

г. Киров (Вятка), пер. Герцена, д. 6 ОХОТНИЧЬИ
Тел/факс (8332) 627-504, 623-296, 629-947

Дорогие читатели, друзья!

Продолжается
подписка на журнал
**«Охота
и охотничье
хозяйство»**
на 2009 г.

Наши индексы
70673 на полгода,
72376 на год
по каталогу Роспечати

КЕЛЬБЕШЕКОВ Б. Соболь в пушном бизнесе России	1
СЕВАСТЬЯНОВ А. Охотничьи тропы	6
ПОТАПОВ А. Медвежий пристрастия	8
АФАНАСЬЕВ Г., БЛОХИН Г. Анатолий Петрович Каледин	9
ТУНДЫКОВ Ю. Шалашный рай	10
КРЫЛОВ В. Корень «ряб» и суффикс «чик»	12
МАМОНОВ Л. Охота на изюбря	14
ШУТЕЕВ М. Зайцы Омского Прииртышья	16
ЕГОРОВ О. Рыжий, отрыжь! — II	18
ЗАВГОРОДНИЙ Д. Флагман отечественного собаководства. Л.П. Сабанеев (1844—1898)	20
КОНСТАНТИНОВ Ю. Готовимся к охоте на копытных. В патроне картечь	22
КОНСТАНТИНОВ Ю. Дульные сужения и стрельба пуль	27
САВЧЕНКО А. С первым снегом	28
АЛЁХИН И. Вчерашний день	30
КОНОНОВ И. Выживает сильный	34
МЕЛЬНИКОВ Л. Амнезия	37
ПОДДУБНЫЙ М. «Что за люди есть на свете!..»	40
КЛИМОВ В. Царь зверей	42
Письма читателей	44
ЦЕЛЫХОВА Е. Другие трофеи	46
Реклама	5, 23, 24, 25, 26, 47
ШИШКИН В. Кулики	48

На первой странице обложки:
Охотничий промысел ежегодно дает стране около 400 тысяч соболиных шкур

Фото В. Лаврова

На второй странице обложки:
На подкормочной площадке. Охотничье хозяйство Раменское

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
Утро в лесу

Фото А. Севастьянова

Главный редактор О. К. Гусев
Редакционная коллегия:
М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышёв, В. С. Шишкин**

Зав. отделом писем **И. И. Полосухина**
Художник **Т. В. Баженов**
Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**
Корректор **З. М. Данилова**
Фотокорреспонденты:
А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко

Сдано в набор 02.08.2008 г. Подписано к печати 4.09.2008 г.
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27 000 экз. Заказ 3772.
Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18
Тел.: 607-24-05, 607-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300, г. Чехов Московской обл.
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
Факс 8(49672) 6-25-36, тел. 8(499) 270-73-59
В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

«Королевская четверка» — вальдшнеп, гаршнеп, дупель и бекас — вожаки трофея для многих российских охотников с легавыми и спаниелями в осеннюю пору. Немало статей нашего журнала ежегодно освещает различные аспекты охоты на этих куликов. Эта тема подробно рассмотрена в ряде недавних специальных сводок С.Ю.Фокина. Здесь же мы больше внимания уделим видовому разнообразию подсемейства бекасовых и их ближайших родственников.

Бекас (англ. — снайп, откуда снайпер — буквально стрелок по бекасам) небольшой, длинноносый кулик (вес до 180 г, размах крыльев до 47 см). На фоне прекрасной кирпичной буровато-охристой окраски выделяются светлые брови, полоса вдоль темени, полосы вдоль спины, беловатое брюхо. Хвост веерообразный, трехцветный: темно-бурые полосы, рыжеватая предвершинная зона, белые концы рулевых. Заселяет водно-болотные угодья от тундры до степей, у нас — от Мурмана до Сахалина. После прилета с мест зимовок (в средней полосе — начало апреля) бекасы начинают токовать: набрав высоту, бекас с характерным «блеянием» (за счет вибрации оттопыренных крайних рулевых) пикирует вниз. В районе Анадыря из Сев. Америки отмечен залет **Вильсонова**, или американского, **бекаса**, ранее считавшегося подвигом обыкновенного. Звук при токовом полете у «американца» более низкий, с отдельными слогами «вук-вук-вук...». В отличие от обыкновенного бекаса (см. рис. стр. 49, №1) подкрылья Вильсонова монотонно пестрые, без белых полос, окраска спины более темная. Такая же окраска подкрылий у соседствующего с обыкновенным от Печоры до Колымы более короткоклювого, **азиатского бекаса**. При его токовом полете слышен звук, чем-то напоминающий отдаленный шум реактивного самолета. Число рулевых 12—14 пар, крайние 6—8 рулей очень тонкие, укороченные, с белым каплевидным концом. Очень похож на обыкновенного и азиатского бекасов **лесной дупель**, гнездящийся спорадично на юге Зап. Сибири, в Приморье. Звук при токовании похож на азиатского родственника, но после выхода из пике слышны стрекочущие, а не свистовые концовки. Крайние рулевые в меньшей степени изменены, чем у азиатского. У крупненную светлую версию лесного дупеля напоминает редкий **японский бекас** (вес до 270 г), гнездящийся у нас на Сахалине, Южных Курилах, на побережье юга Приморья. При токовом полете пикирование сопровождается учащающимися слогами «чак-чак-чаки...», а на выходе — «чрэк-чрэк». Почти такой же крупный **горный дупель** (вес до 300 г) с развитыми буроватыми тонами зоба и перьев спины спорадически гнездится в горных биотопах от Южной Сибири до Камчатки. Хотя его второе название бекас-отшельник в полете он больше напоминает вальдшнепа. Настоящий **дупель** гнездится у нас от Балтики до тундры и лесостепи Зап. Сибири. Почти вдвое крупнее бекаса (вес до 260 г) дупель известен своими токами на земле, когда самцы издают тихую трескотню, раздувая зоб, распуская крылья и хвост, на котором заметны белые крайние рулевые. Брюхо в темных пестринах. К красной дичи относится и мелкий **гаршнеп** (вес до 100 г), скрытно гнездящийся в тундре и на севере лесной зоны от Прибалтики до Колымы. Ключ относительно короткий, двойная желтая бровь. По темному тону спины, переливающимся бронзово-зеленым и лиловым, протянулись две пары ярко-желтых полосок. Ток в сумерках, при пикировании слышится «стукотня» — звук, напоминающий укоряющийся топот.

Ближайший родственник бекасов — **вальдшнеп**, наиболее известный охотникам кулик, с буровато-коричневым камуфляжным нарядом цвета опавших листьев, с сероватыми поперечными полосками на брюхе, с длинным клювом и короткими ногами, с большими глазами, смещенными ближе к затылку. Вальдшнеп — желанный трофей не только на тяге, когда самцы с «циканьем» и «хорканьем» носятся на зоре над лесом, но и на «высыпках», когда птицы могут перебираться в более открытые биотопы. Вес упитанного вальдшнепа может достигать 450 г. Гнездится у нас вальдшнеп от Прибалтики до Курил. **Бекасовидные веретенники** — **азиатский** и **американский** родственники как бекасам, так и настоящим веретенникам. Первый, более крупный (вес до 250 г), кирпично-красной окраски, с длинным прямым черным клювом, гнездится изолированно у истоков Оби, у Байкала, в Приморье. Второй мельче (вес до 135 г), с пестринами на зобе, белой поясницей. Если бекас, вальдшнеп, гаршнеп обычные охотничьи виды, а дупель местами стал редок, то японский бекас и азиатский бекасовидный веретенник включены в Красную книгу России.

В. ШИШКИН

